Стенограмма конференции «XXVIII съезд КПСС: сохранение перспектив Перестройки или упущенные возможности: к 35-летию съезда»

5 июня 2025 года.

В дискуссии участвовали делегаты съезда: главный научный сотрудник Института Европы РАН, доктор политических наук Б.П.Гуселетов и профессор СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В.И.Ульянова (Ленина) доктор исторических наук В.В.Калашников; профессор Исторического факультета СПбГУ, руководитель Лаборатории современной истории России Горбачев-фонда, доктор исторических наук А.С.Пученков; научный сотрудник Лаборатории современной истории России Горбачев-Фонда, научный консультант Горбачев-Фонда доктор философских наук О.М.Здравомыслова; преподаватель СПб ГААП А.Д.Матлин, ответственный работник Аппарата Президента СССР в 1990-1991 годах доктор юридических наук З.А.Станкевич; заместитель заведующего сектором Международного отдела ЦК КПСС Л.П.Попов; участник Демократической платформы в КПСС, профессор Университета мировых цивилизаций им. В.В.Жириновского, кандидат философских наук А.П.Аулов; народные депутаты СССР в 1989-1991 годах А.Н.Бойко, Ю.В.Блохин, А.Е.Себенцов; студент РГГУ Ю.Козырев. Вел дискуссию Исполнительный директор Горбачев-Фонда А.В.Рябов

Андрей Виленович Рябов:

Рад приветствовать всех друзей и гостей Фонда, которые пришли сегодня на нашу конференцию, посвященную анализу итогов и значения последнего XXVIII КПСС в истории Перестройки.

Тема, которую мы сегодня планируем обсуждать, уже давно вышла из поля общественных дискуссий, да и профессиональные историки, к сожалению, не проявляют к ней заметного интереса. В этом году исполняется 35 лет со времени проведения съезда. Правда, это произойдет позднее, в июле, но поскольку наступает время летних каникул, мы решили провести нашу конференцию раньше, когда существует возможность собрать как можно больше участников.

Понятно, что сам съезд, как важное политическое событие, требует серьезного изучения, анализа, обсуждения, но мы хотели бы сегодняшнюю конференцию посвятить не только самому съезду, его ходу, анализу политической борьбы, которая была на нем и носила открытый, публичный характер. КПСС подошла к своему 28-му съезду в сложном состоянии. Съезд стал своего рода фокусом проблем, которые уже были и внутри партии, и в отношениях между ней и другими политическими акторами, как это принято сейчас говорить – неформальными общественными движениями, зарождающимися структурами многопартийности. Возникла проблема внутреннего раскола в КПСС; он ещё не оформился, но, в общем, разные конкурирующие идеологические течения уже были налицо. За несколько месяцев до съезда оформились окончательно платформы внутри КПСС – Демократическая и Марксистская. То есть произошло то, чего в партии не существовало уже несколько десятилетий. Мы сегодня пригласили некоторых участников, жалко, что нет никого от Марксистской платформы. К сожалению, её лидеры уже оставили этот мир. Но, тем не менее, мы хотели бы обсудить и вопросы, связанные с деятельностью платформ внутри КПСС. В марте 90-го года был избран президент Советского Союза, возникла другая проблема, уже институциональная, управленческая проблема. Она касалась взаимоотношений между КПСС и новым институтом президентства, между двумя аппаратами, один из которых был уже устойчивым, а второй только формирующийся.

Возникла проблема идеологического выбора для партии. Не только платформы предлагали свои идеологические ориентиры, но существовала ещё по-прежнему тема

еврокоммунизма. Хотели бы мы тоже об этом сегодня поговорить, про эту тему, которая практически не затрагивается исследователями, почему Михаил Сергеевич Горбачёв, в общем, оказался достаточно равнодушен к этому, очень демократическому направлению внутри коммунистического движения. Ну и главная, пожалуй, тема, могла ли КПСС сохранить за собой роль ключевого политического института советского общества, главного двигателя реформ в тот период, или у неё уже появились серьёзные оппоненты в борьбе за эту роль - хотелось бы и этот вопрос обсудить. Мне кажется ответ на него совершенно не очевиден и здесь, возможны самые разные точки зрения. То есть вот такой круг вопросов, которые, я бы сказал, фокусировались вокруг съезда и, естественно, так или иначе, проявлялись в ходе политической борьбы и на нем, и вокруг него.

Организационно мы хотели бы так построить нашу сегодняшнюю конференцию. Сначала заслушать три импульсных сообщения. В качестве докладчиков у нас будут два участника съезда - это Борис Павлович Гуселетов, который на съезде был избран членом Центрального Комитета, ныне доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Европы Российской Академии наук и Секретарь ЦК КПСС в 1991 году, доктор тоже исторических наук, профессор Владимир Валерьянович Калашников. И третий докладчик – наш ведущий историк Перестройки на сегодняшний день, которого мы все хорошо знаем, профессор Санкт-Петербургского государственного университета и руководитель Лаборатории современной истории России Горбачев-Фонда, Александр Сергеевич Пученков, доктор исторических наук, профессор Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Мы предлагаем каждому из участников дать примерно по 15 минут для своих сообщений, после чего. Вопросы лучше задавать сразу же после всех сообщений. Потому что может сложиться так, что уже к первому докладчику будет огромное количество вопросов, и тогда весь наш график рухнет, и интерес несколько к другим сообщениям он объективно может быть ниже, чем мог бы быть. Поэтому я предлагаю три заслушать сообщения, после чего задать вопросы, если таковые появятся, а и после чего перейти к свободной дискуссии в рамках тех вопросов, которые мы предложили, или каких-то иных вопросов, которые вы сочтёте нужными обсудить. Если, возражений нет, то я с удовольствием предоставлю слово Борису Павловичу, пожалуйста.

Борис Павлович Гуселетов: Спасибо, Андрей Виленович. Для начала очень коротко, может быть, даже вне регламента своего выступления отвечу почему на мой взгляд, лично Михаил Сергеевич не проявлял интерес к еврокоммунизму. И ещё добавлю из своей биографии, может, не все знают, что я был его заместителем в Социал-демократической партии, но это был более поздний период начало двухтысячных. И мы с ним много говорили об этом, но не конкретно о еврокоммунизме. На мой взгляд, уже будучи руководителем страны и имея очень широкий контакт европейскими политиками, с такими как Филиппе Гонсалес, Франсуа Миттеран, лидерами скандинавских стран, которые представляли социал-демократические партии, Михаил Сергеевич определил это направление как более близкое и понятное ему. А еврокоммунизм при всем уважении к его представителям, был в то время, и это нужно признать, достаточно маргинальным течением, широко не представленным во власти, на высоком уровне в европейских странах. И поэтому, может быть, для Михаила Сергеевича, это не было столь важным, и он не обращал на это явление внимание. Но это моя личная точка зрения; она может быть подвергнута критике.

А теперь я перехожу к своему выступлению, и позволю себе тоже начать его с такого предсъездовского обзора, о чем уже Андрей начал говорить, о том, что в КПСС начало формироваться тогда внутреннее расслоение в виде разного рода платформ, которые, надо признать, не были ни организационно ни идейно были оформлены. У них не было каких-то ярких лидеров, которые бы в КПСС занимали высокие посты, хотя люди, в общем интересные были, тот же Шостаковский, я помню, был одним из руководителей Демократической платформы. Бузгалин представлял Марксистскую платформу. Они были

тогда людьми достаточно интересными, и я считаю, что появление платформ было обусловлено совершенно естественным ходом событий. Делов том, что однопартийная система, которая после прихода к власти Михаила Сергеевича начала потихоньку таять, и это естественным образом показало, что в КПСС не могло быть идеологического единства.

В КПСС были люди разных взглядов - и либеральных, и ортодоксальных, и националистических. Михаил Сергеевич, руководство КПСС просто дали возможность этим людям себя, по крайней мере, идейно проявить. Я помню в Москве как-то участвовал в одном из заседаний Демократической платформы, и потом сам прошел очень сложную систему выборов, чтобы попасть на съезд. Я работал тогда в небольшом уральском университете инженерно-педагогическом, и чтобы попасть на съезд, я должен был пройти три этапа. Сперва я победил ректора нашего университета\тута, который тоже хотел быть делегатом, и я именно как представитель Демплатформы участвовал в выборах. Потом у нас был более серьезный педагогический университет, где было гораздо больше членов партии и там тоже был ректор, и вот было собрание, мы выступали, он и я, и я получил большинство, а потом уже я участвовал на уровне района Дзержинского, где там был ряд крупных заводов с десятками тысяч коммунистов, и я помню, как мои коллеги позволяли мне проникать на эти закрытые, полузакрытые заводы и выступать перед рабочими, и в итоге я победил и там.

И на всех этих этапах я был поддержан именно как представитель Демократической платформы в КПСС. На съезде, к сожалению, какого-то организационного оформления эта платформа не получила; отдельные люди оттуда выступали. Но я потом в конце скажу, к чему это, на мой взгляд, привело. И мне представляется, что предтечей съезда и было вот это начало процесса сперва идеологического расслоения в партии, которое потом известно, чем закончилось. И я считаю, что это был совершенно нормальный естественный процесс.

Еще одним очень важным моментом, конечно, стало то, что КПСС к тому времени, я считаю, полностью потеряла де-факто, не де-юре еще, де-юре это было признано попозже чуть-чуть, а де-факто она уже перестала быть руководящей и направляющей силой общества. Полномочия стали перетекать все-таки в органы исполнительной власти, в органы представительной власти. Это тоже, на мой взгляд, был естественный процесс, который, к сожалению, не получил такого законченного, что ли, решения. Я тоже об этом в конце скажу, почему этого, на мой взгляд, не получилось.

И тем не менее, на съезде уже было понятно, что есть эти немногочисленные представители Демократической платформы, немногочисленные представители Марксистской платформы, консервативная какая-то группа ну и, как обычно, «болото». И я бы отметил три таких мероприятия, три события, которые для меня были интересными в первую очередь, тем, что я сам в них участвовал. Но не только этим, они, на мой взгляд, очень интересны по составу. Во-первых, Свердловская делегация партийная (там все сидели по областям), была достаточно большой, около ста делегатов было, но даже наш первый секретарь Кадочников, будущий депутат Государственной Думы, он не прошел отбор и не был избран. А возглавлял делегацию третий секретарь по идеологии, очень человек закрытый, осторожный, аккуратный, всего боявшийся. А я, в общем, тогда был одним из молодых членов ЦК и делегатов съезда. Я подошел к Михаилу Сергеевичу в первый или второй день и предложил ему встретиться с нашей делегацией.

Понятно, что у него Свердловская областная делегация вызывала не самые, может быть, изначально приятные ощущения. Тем более, что членом этой делегации тогда еще был и Борис Николаевич Ельцин, но он, конечно, на встречу не пришел. Тем не менее, Горбачев, что меня поразило, очень быстро согласился, и буквально на следующий день мы провели очень интересную встречу. В общем, я бы не сказал, что какую-то конфронтационную, но было много вопросов. Я, например, задал ему вопрос, почему, Михаил Сергеевич, вы затеяли сразу и политическую реформу и экономическую реформу, и пытались решить вопрос национальный. На что он ответил мне тогда, что вот, к сожалению, не получилось у нас экономическое преобразование довести до конца именно

потому, что не получилось политических преобразований провести, поэтому сейчас мы занялись этим. Ну, вопрос тоже дискуссионный и спорный. Многие могут привести пример Китая и его компартии, но это тоже отдельная дискуссия. А вот потом, буквально на следующий день наши свердловские делегаты, очень испугавшись, что мы встретились с Горбачевым и не встретились с Ельциным, организовали такую же встречу с Ельциным.

А если вы помните, тогда Борис Николаевич очень активно предлагал идею прикрыть первичные партийные организации на предприятиях, что грозило, в общем-то, тысячам или десяткам даже, может быть, сотням тысяч парторгов, которые, в общем, занимали неплохие места и получали неплохую зарплату, потерей статуса. А в нашей делегации свердловской было, ну, может быть, процентов 30 таких секретарей первичных партийных организаций, так называемых освобожденных секретарей парткомов. И они, кстати, на встрече с Ельциным вели себя гораздо более агрессивно, даже враждебно, чем на встрече с Горбачевым. И тогда Ельцин отступил, кстати, и сказал, что нет, это мы только обсуждаем, но мы не будем этого делать, конечно же, и так далее, и так далее. Но потом, буквально на следующий день, на съезде большая группа делегатов подняла этот вопрос и заявила, что мы тут, так сказать, оказываемся под давлением, и предлагаем пойти в соседнее здание, где проходило заседание Верховного Совета, и предъявить ультиматум съезду.

И была очень большая дискуссия, в общем, последним кстати, выступал я, и сказал о том, что Горбачев с Лукьяновым, которые вели это заседание, пытались его прикрыть, но я выступил и сказал, что была вчера встреча с Ельциным, и он обещал, что не будет эту реформу проводить. И буквально 100 или 200 голосов не хватило сторонникам того предложения, чтобы показать свою силу КПСС. Вопрос был проголосован, парткомы не ликвидировали. Любопытный такой момент, который подтверждает темы и тезисы, о которых я говорил. Еще один интересный момент. Выступал я на съезде, а накануне съезда был в областном комитете и собрал там статистическую информацию, что происходит в партии, сколько людей пришло, сколько ушло, что среди молодежи. И в своем выступлении сказал о том, что наметилась очень такая интересная тенденция, что практически за последние там 2-3 года молодежь в партию не вступала.

Партия, имеется в виду Свердловская областная организация, которая считалась одной из ведущих в КПСС, уже начала терять своих членов и особенно, доверие среди молодежи. Мое же выступление в общем было поддержано. А в конце съезда, фактически на на съезде Компартии Российской Федерации, я попросил слово у Полозкова, секретаря ЦК, и выступил от имени нашей молодежной группы, которую мы образовали на съезде, с критикой КПрФ. Моя речь потом была опубликована Павлом Вощановым, в «Комсомолке». И пришло более 200 тысяч писем в мою поддержку. Я был в редакции газеты, меня приглашали, и видел эти 200 тысяч писем. Целая комната была завалена письмами, в которых говорилось о том, что мы поддержим такое выступление, что КПрФ в том виде, в каком она сформировалась, ничего хорошего нам не предвещает. Но здесь я бы тоже отметил, на мой взгляд, определенную ошибку Михаил Сергеевича, потому что, может быть, кто-то не помнит о том, что, когда формировалось это российское отделение КПСС, впервые за долгие годы там были предложены две альтернативных кандидатуры на пост ее первого секретаря. Это Полозков, который представлял такую консервативную часть партии, и Олег Иванович Лобов. Это известный был человек, близкий к Ельцину. Я считаю, что он был достаточно самостоятельным не абсолютно, конечно, но достаточно самостоятельным и здравым человеком. И я считаю, что вот выбор в пользу Полозкова был ошибкой. На мой взгляд, Михаил Сергеевич как бы устранился и не стал вмешиваться в этот процесс. Тем самым он во многом и предопределил будущее этой партии - КПрФ. Потому что, если бы пришел Олег Лобов, я думаю, что ситуация развивалась бы иначе. Казалось бы, что сам факт создания этой партии должен был привести ее к конфронтации с руководством КПСС. Но это вопрос, на мой взгляд, спорный. И я думаю, что Российская Компартия при Лобове могла бы быть более взвешенной, более здоровой, занимающей более разумные позиции. И еще хотел отметить, что одним из итогов съезда стало, когда особенно

голосовали за членов ЦК и Политбюро, все-таки наметилось, что партия начинает расслаиваться, разделяться на разные политические группы.

Вот уже тогда на съезде была видна группа Шостаковского и Лысенко, которые были очень активны. И я считаю, что то, что в КПСС не нашлось руководителей, которые лично поддержали бы какие-то из этих групп, было их серьезной проблемой и ошибкой. Сейчас, конечно, многие начинают по-своему трактовать те события, не понимая их контекста. Недавно слушал интервью Федора Лукьянова, который заявил, что если бы КПСС осталась у власти, то ситуация развивалась бы по-иному. А так ее выдернули как основной стержень из политической системы, и это привело страну к развалу. Я считаю, что это очень спорная и даже, сказал бы, ошибочная точка зрения и позиция. Более правильным было бы все-таки довести до разумного конца это расслоение в КПСС, оформить его идеологически и политически, что, в общем-то, Горбачев и пытался сделать, намечая на осень 1991 года очередной съезд. Но до этого, к сожалению, не дошло.

И мне кажется, что один из итогов съезда состоит в том, что, с одной стороны, он показал, что КПСС уже теряет роль руководящей и направляющей силы, а с другой, что в КПСС нет ни идеологического, ни политического единства. И в заключение хотел бы сказать, что те пленумы ЦК, в которых я участвовал, которые проходили до лета 1991 года, они эти выводы подтверждали, что уже было очевидно.

Горбачев очень редко принимал участие в этих пленумах, в основном их вел Ивашко, Это были такие мероприятия, на которых не видно было, чтобы партия предлагала какую-то альтернативу, свою собственную точку зрения и позиции. Что, в общем-то потом и привело к тому, что КПСС в августовские события 1991 года оказалось, строго говоря, за бортом этих событий, не имея собственной позиции, собственного лица. Ну и достопочтенный последний пленум ЦК, на котором Лукьянов заявил, что на самом деле там пытались Горбачёва подправить в отставку. Это на самом деле было так, и это ещё раз стало свидетельством того, что группа консервативно настроенных деятелей, которые не имели большинства в ЦК, попыталась выдвинуть Михаилу Сергеевичу требование уйти в отставку. Он очень осердился обиделся и вышел из зала, но большинства консерваторы не получили. Люди, которые поддерживали Горбачёва, их было там примерно 90 человек, они подписали соответствующее письмо. Я даже не помню, ставили вопрос об отставке Горбачева на голосование или нет, но практически он был снят. И это подтверждает мою точку зрения, что, к сожалению, сложившаяся к тому времени внутри КПСС новая реальность с различными политическими и идеологическими течениями (консервативное, социал-демократическое и даже либеральное) требовала уже организационного оформления, создания института политической конкуренции, который, в конце концов, на мой взгляд, мог бы спасти и КПСС, и Советский Союз. Но, к сожалению, до этого дело не дошло, решение так и не было принято. И здесь не надо снимать ответственности не только с самого Михаила Сергеевича, но и со всех членов ЦК, которые занимали те или иные руководящие позиции. И я считаю, что мы сегодня, к сожалению, повторяем этот путь. Мы видим сегодня, что опять-таки, хотя вроде и существует многопартийность, но нет политической конкуренции, и я боюсь, что последствия могут быть столь же неблагоприятными, как они были и по окончанию последнего съезда КПСС.

Рябов А.В.: Спасибо, Борис Павлович. Я позволю небольшое резюме для дальнейшей дискуссии. Итак, первая позиция, которая прозвучала, состоит в том, что уже к началу съезда раскол наметился, и сохранять единство партии как политического института становилось всё труднее и труднее. Был вопрос времени, когда это всё, различные течения разойдутся в разные стороны. Это, во-первых. Во-вторых, как мне кажется, ещё одна очень важная позиция была зафиксирована, что власть уже начала перетекать из КПСС в разные структуры, в исполнительные органы, законодательные органы. И даже прозвучавшее интересное замечание о том, что пленумы вёл Ивашко, указывало, видимо, на то, что, для Генерального секретаря существовали какие-то другие приоритеты, наверное, институт

президентства, его возможности его аппарат. И наконец, третья высказанная позиция заключается в том, что субъективный, личностный фактор имел большое значение и оказывал огромное влияние на ход событий. Если бы, например, первым секретарём ЦК Компартии Российской Федерации стал бы другой человек, то, возможно, судьба партии сложилась иначе.

Спасибо, Борис Павлович.

Гуселетов Б.П.: Я очень коротко ещё одну мысль хотел бы высказать, что, в конце концов, та же Демократическая платформа внутри себя тоже расслоилась. Там появились республиканцы, часть ушла к Союзу Правых Сил. Это, на мой взгляд, тоже было серьёзной проблемой, потому что все это были люди из КПСС. В зале сегодня присутствует бывший депутат Александр Аулов, который был в КПСС, в Демократической платформе, потом ушёл в другие политические структуры, он может это подтвердить, что наиболее активная часть КПСС, не видя, что внутри партии происходят процессы интеграции, объединения, формирования какого-то здорового крыла, они просто ушли из партии. И это, на мой взгляд, тоже нанесло ущерб и для КПСС, и для страны в целом.

Рябов А.В. : Спасибо, Борис Павлович. Ну, а теперь я хотел предоставить слово Владимиру Валерьяновичу Калашникову, который в 91-м был тоже участником съезда, и в 91-м году был избран секретарём ЦК КПСС; он у нас выступает в онлайн. Пожалуйста, Владимир Валерьянович.

Владимир Валерьянович Калашников: Добрый день коллеги спасибо за приглашение. Ну, сразу некоторое замечание по поводу выступления Бориса Павловича. Я, честно говоря, не могу вспомнить ни одного пленума ЦК, который бы проходил без участия частности Горбачёва. Да, иногда Ивашко вёл, ну, вторую часть, там скажем пленума, но Горбачёв присутствовал. Ну, вот на июньском пленуме, последнем, как вы помните, он сделал большой доклад по новой программе партии, он её представлял. На апрельском пленуме вот как раз состоялась попытка такая неудачная, ряда секретарей его отстранить. Он там ушёл, мы полчаса мы жили в условиях отставки как бы, непринятой генсеком. Ну, короче говоря, я просто не могу сейчас вспомнить. Может быть, что-то я забыл, много лет прошло, но у меня такое ощущение, что он был на всех пленумах

Гуселетов Б.П.: Я сказал, что он не отсутствовал, что вёл Ивашко.

Калашников В.В: Я не видел угрозы раскола партии и в том числе на сентябрьском, возможно, или октябрьском пленуме, который планировался на осень. Мы месяц чётко в нашей дискуссии ещё не определили. Были разные идеи. Я был уверен, что будут просто небольшие «отколы», а может быть и их не будет. А партия примет проект новой программы, который был подготовлен, и дальше пойдет вперед. Да, все было очень трудно, но, если бы не акция ГКЧП, были реальные перспективы удержать власть в стране и сохранить Союз. Почему я был всегда противником раскола КПСС? Я четко себе представлял, что раскол КПСС - это раскол СССР. Потому что КПСС действительно была стержнем, который держал Союз вместе. Это исторически так сложилось. Вы знаете прекрасно, что все республиканские организации фактически работали на правах обкомов партии, хотя были и республиканские ЦК, и т.д и т.п. Но реально стержень был именно такой. Мы пытались это подправить в ситуации с новым Уставом партии. Но я об этом чуть-чуть позже расскажу.

А сначала все-таки несколько тезисов, которые я хотел бы озвучить. Первый тезис: я согласен с Борисом Павловичем в том, что самая главная особенность этого съезда это была процедура его формирования. Потому что действительно, это был первый съезд, скажем так, в послевоенный период, когда состав участников формировался снизу

партийными организациями. Практически везде, в крупных партийных организациях. Но я знаю в Москве, не знаю про Свердловск, но вот как раз Борис Павлович подтвердил, что и в Свердловске были свободные выборы. В Москве были свободные выборы, и в Ленинграде были свободные выборы. А это очень крупная партийная организация. У нас не стали делегатами съезда много секретарей райкомов, даже секретари обкома. То есть они в области даже не смогли избираться. А многие секретари даже и не выдвигались. Потому что все помнили выборы народных депутатов СССР в 89 году. У нас эти выборы очень сильно ударили по старому партийному аппарату. Один пример, который, наверное, многие из вас еще помнят. Юрий Болдырев. Это молодой коммунист, инженер НИИ, по-моему, судовой электротехник, я не помню. Он кончал институт, в котором я работаю. Он победил в Московском районе. Был выдвинут в партийную организацию своего НИИ. И он победил первого секретаря райкома Герасимова. Герасимов был очень сильный партийный работник, хозяйственный. А Болдырев говорил просто, что ребята, «я за перестройку, я за все хорошее против всего плохого». И он так разбил оппонента. Болдырев победил просто потому, что Герасимов был представителем старой номенклатуры. И эта ситуация повлияла на выбор делегатов на партийный съезд. Действительно была борьба, очень острая борьба. И обком партии, горком партии, они фактически не могли влиять на тех, кто станет делегатами съезда. Это была первая особенность. Но думаю, что в некоторых регионах не все так было гладко. Ну, а если говорить о партии в целом, то понятно, что и в Закавказье, Средней Азии, наверное, ситуация была несколько другой.

Второе, что мне кажется очень важным. Дело в том, что впервые делегации, по крайней мере крупных партийных организаций, ехали на съезд с единой платформой, которую их делегаты должны были защищать на съезде. Вот я вам расскажу, как это было в Питере. У нас прошли районные партийные конференции. Затем прошла областная, но она была объединенная с городской конференцией. И там районы представили свои платформы. И была выработана общая платформа Ленинградской партийной организации. Это больше полумиллиона человек, с которой делегаты должны были ехать на съезд. И отчитаться после съезда о том, как они выполняли указы рядовых партийцев в решениях областной партийной организации. Мне было поручено защищать предложение Ленинградской партийной организации по новому уставу КПСС. Я был одним из авторов этого документа, который был сначала принят Петроградским районом, потом Московским районом, потом другими районами, областной конференцией. И мне было сказано, иди на съезд и защищай. Не справишься, ну тогда гуляй.

Все довольно жестко. То есть после съезда мы проводили второй этап областной партийной конференции, которая оценила нашу работу на съезде. И вот это обстоятельство очень сильно определяло наше поведение на съезде. Мы понимаем, что просто сидеть и молчать мы не можем. Потому что мы вернемся и с нас спросят. Ну, почему? Почему так жестко стояла проблема нового Устава? Наверное, всем это тоже было понятно. Это была реакция коммунистов рядовых, прежде всего, коммунистов на последнюю череду генсеков. Ясно было, что после 1975 года, Брежневу, конечно, пора было уже уходить на покой. И его не сменили. Ясно было, что приход большого Андропова никак не укреплял авторитет партии. Ну, а когда был избран Черненко, еще более больной, это просто, вы знаете, вызывало негодование. Плохо скрываемое. А мне, я преподаватель был в вузе, я работал в университете, потом перешел в технический вуз как было? Вы понимаете, я каждый раз должен быть с ребятами и объяснять им, почему так.

Вот сидит филфак передо мной, 300 человек. Я им должен говорить, что лучше Брежнева в партии найти лидера невозможно. Лучше Андропова, просто моложе его и умнее, тоже нет. Ну, а про Черненко даже не говорю. И вот эта реакция людей, что ну хватит над нами издеваться, не надо нам устраивать гонки на лафетах, мы хотим сами избирать руководство партии. Оно доминировало в ленинградской организации. И поэтому проблема Устава рассматривалась как главная. Потому что мы считали, что если мы выберем нормальных людей, то они как-нибудь программу составят и напишут. И с чем я

столкнулся, приехав на съезд? Сначала комиссию по Уставу, по-моему, было поручено возглавлять Разумовскому, но Горбачев вовремя сразу почувствовал в связи с этим большой накал. И он сказал, ладно, я буду сам возглавлять комиссию по Уставу. На первое заседание он пришел, оно было чисто формальным, он ушел, дальше все работы вела эта группа, которая занималась Уставом. Там сначала было больше 100 человек, потом была создана маленькая рабочая группа, реально человек 8 в ней работало. И все это делал Лукьянов.

Кстати, большой мастер аппаратной борьбы, прекрасно понимал, что такое норма Устава, что от нее может произойти в партии. И там очень жесткая шла борьба по каждому пункту. Они нам сначала предложили свой проект Устава, который был подготовлен в недрах ЦК и согласован с Горбачевым. Но сначала я, потом представитель МГУ Мельников Иван Иванович, потом парень из КАМАЗа, секретарь парткома КАМАЗа Валерий Женич, по-моему, я не помню его фамилию, мы стали говорить, что нам это не подходит. Ну, и представьте, просто зарисовка, как работала комиссия. Анатолий Иванович говорит: «Товарищ Калашников, вот здесь есть мой помощник, он вам потом объяснит, почему ваши предложения они плохие. Он доктор наук исторических, он вам все объяснит. Вы немножко не понимаете». Все это ласково было сказано, но на самом деле звучало так: «Ты замолчи, сиди и не чирикай. Голосуй за то, что мы предлагаем». Я им тогда говорю, вы знаете, во-первых, я заведу кафедру истории КПСС. Я тоже доктор наук. И кое-что в этом понимаю. Поэтому объяснять мне, сотруднику вашего аппарата, не надо ничего. Но дело даже не во мне. Вот у меня есть бумажка. Это решение Ленинградской областной партийной конференции. Вот здесь есть пункты. И я буду защищать все эти пункты. Если комиссия их не примет, я встану на съезде и буду защищать эти пункты. Он все понял. После этого работа стала конструктивной. И знаете, чем дальше шла работа съезда, тем больше и быстрее принимались все наши предложения. Потому что на съезде было горячо. Почему на съезде было горячо? Потому что на съезде были заслушаны отчеты членов Политбюро. И их встречали очень прохладно. Но вы знаете, что Александра Яковлева фактически провалили. Он понял, что у него никакого будущего с партией больше нет. Ну и занял соответствующую позицию. Ну и другие товарищи, консервативные уже, тоже были встречены весьма-весьма прохладно. И стало понятно, что ЦК будет сформирован по-другому.

Так вот, говоря о проблемах в процедурах, я скажу, не только делегаты избирались по-другому. По-другому формировался сам Центральный Комитет партии. Впервые в истории партии. То есть, опять вернусь к опыту нашей Ленинградской организации. Тот список кандидатов в ЦК, который был подготовлен обкомом и утвержден первым секретарем Гидасповым, он назывался предварительным. Но он практически не прошел. Почему? Потому что делегация тайным голосованием, рейтинговым голосованием отобрала всех тех из своего состава, которые должны представлять Ленинградскую областную организацию в ЦК партии. И там, вы знаете, несколько обкомов просто «пролетели». А рейтинг показал интересную общую ситуацию. Гидаспов в списке был не первым, и не вторым, и даже не третьим. Вот. Поэтому ЦК был сформирован впервые в истории партии по-иному. Это раз. И Горбачев это вовремя понял. Вы знаете, он же что попросил, когда понял, что делегаты не сделают так, как они наметили?

Он попросил дать ему квоту, в которую включит своих людей, более-менее полезных для него. И они по этой квоте пойдут в ЦК. Почему? Потому что они в областных организациях в делегациях не имели шанса пройти в ЦК. И в этой квоте даже были ребята, которые были гостями съезда. Вот Бузгалин Саша, он действительно возглавлял Марксистскую платформу, но мало был известен. А в Ленинграде мы его не знали вообще. А вот после 91-го года он стал одним из таких видных деятелей коммунистического направления. Ученый, который, к сожалению, умер год назад, он издавал существующий до сих пор журнал, который сам и сделал, «Альтернативы». Это лучший марксистский журнал у нас в стране. И большое ему за это спасибо. Так вот, Бузгалин, не являясь

делегатом съезда, по списку Горбачева был избран членом ЦК. Когда-нибудь было такое в партии? Никогда такого не было. То есть съезд был во многом необычный. Нет возможности рассказывать о многих других таких вещах.

Вижу, что мое время уже кончается. Скажу только, что все те решения, которые были приняты по Уставу, они не успели себя проявить никак. Потому что все районные комитеты партии, городские комитеты партии были избраны еще до съезда. То есть переизбрание должно было состояться только через 5 лет. Ну, может быть, если бы осенью состоялся какой-то такой съезд, очень необычный, может быть, было бы принято решение о переизбрании ранее избранных партийных органов. Еще одно обстоятельство хотелось отметить. Это платформа партии. Было принято программное заявление. Хотя вопрос об Уставе был главный, конечно, второй вопрос был программный. Ребята, чего мы хотим? Каковы цели этой партии? Что мы делать будем с Перестройкой? И очень трудно шло формирование этого программного заявления. И там не было главного, на мой взгляд. Там не было прямо сказано, что мы переходим к рыночной модели социализма. Было много красивых слов. Но то, что модель меняется, и что мы согласны с тем, что она меняется, на съезде вообще не прозвучало.

И поэтому это была проблема уже после съезда. И программная комиссия, которая была съездом создана, в трудах рождала эту новую партийную программу. Я уверен, что она была бы принята на съезде. Уверен, что не было бы раскола. Был бы откол. Ну и думаю, что Горбачев бы потерял пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Такой настрой доминировал в составе ЦК, с моей точки зрения, уже летом девяносто первого года. И мне кажется, Горбачев сам был с этим внутренне согласен. Он хотел остаться президентом, и готов был уступить руководство партией кому-нибудь другому, желательно, конечно, лояльному человеку, который работал бы с ним в контакте. Вот такой был вариант. Но ГКЧП все это сломало. Ну вот, пожалуй, я на этом поставлю точку. Спасибо за внимание.

Рябов А.В.: Спасибо, Владимир Валерьянович. Мне кажется, еще сейчас очень интересные идеи для обсуждения были предложены. В выступлении Владимира Валериановича высказана мысль, что КПСС к 28-му съезду вовсе не исчерпала свой потенциал. Что вполне в партии вполне можно было бы договариваться по очень серьезным вопросам, в том числе и дискуссионным вопросам, например, о партийном строительстве, и дальнейших ориентирах деятельности партии. И, строго говоря, съезд показал, что КПСС еще до конца не был использован ресурс обновления. И Владимир Валерьянович это очень хорошо показал на примере Ленинградской областной партийной организации. Ну и была высказана мысль, если я ее понял корректно о том, что все-таки разделение власти между партией и институтом президента, оно тоже могло сыграть определенную роль в дальнейшем обновлении КПСС как политической силы. Это тоже интересные идеи для обсуждения. Надеюсь, мы их обсудим. Ну, а теперь я хотел бы предоставить слово нашему последнему по очереди докладчику Александру Сергеевичу Пученкову. Пожалуйста.

Александр Сергеевич Пученков: Уважаемые коллеги спасибо за возможность выступить. Поскольку я не принимал участие в 28-м съезде партии в отличие от двух предыдущих ораторов, поэтому я могу судить с меньшей основательностью, чем они. Но вот что я могу сказать, опять-таки опираясь на какие-то материалы документальные, опираясь на какие-то достаточно многочисленные свидетельства мемуаристов и те материалы, которые я собрал за годы работы в архивах и в рамках каких-то личных встреч с участниками событий, все они говорят об одном, о том, что никто летом 1990 года, как раз в тот день, когда съезд начал свою работу, в тот день когда я отпраздновал свое десятилетие, так вот, никто в этот день не мог и помыслить, что 28-й съезд партии окажется последним съездом в истории КПСС. И я сейчас не по причине какой-то своей неучтивости смотрел в компьютер. Я просматривал, сделанные мной фотографии газет лета 1990 года. И они показывали то, что, как бы то ни было, в рамках вовсе несуществующей инерции, а в рамках общественного

восприятия съезд воспринимался как главное событие года, политическое событие года в жизни всего советского общества.

Потому что самые разные газеты не только «Советская Россия», не только официоз «Правда», но и «Московская Комсомолец», «Московские новости», «Аргументы и факты», «Огонек», другие газеты, все они показывали то, что от съезда ждут многого. К съезду были прикованы взоры миллионов, извините, за избитую журналистскую метафору. Ну и, конечно, съезд показал то, что партия, несмотря на то, что к лету 1990 года в рамках существующего противостояния с демократическим движением, воспринимавшаяся им в качестве такого своеобразного ступора, бревна на пути Перестройки, настоящей народной Перестройке, что партия, тем не менее, несмотря на все это, все еще воспринималась как реальная политическая сила всеми без исключения в стране. И вот в газетах которые, в общем-то, относятся к партии достаточно предубежденно, тот же самый известный публицист и политик Виктор Лошак, все они пишут то, что в партии 19 миллионов 200 тысяч человек на 1 января 1990 года, и мы, то есть демократические силы по сути своей, не вправе воспринимать эти 19 миллионов как худшую часть советского общества.

Безусловно, что партия сконцентрировала, помимо всего прочего, очень значительный интеллектуальный потенциал. И отрицать это было совершенно невозможно. Вот не далее, как вчера я был в гостях у человека, которому в этом году исполнилось 90 лет, и я искренне желаю ему доброго здоровья. У Ивана Кузьмича Полозкова, которого, кажется, Борис Павлович только что упоминал в своем выступлении. Иван Кузьмич бодр, энергичен, 4 часа не отпускал меня от себя, и говорил одну и ту же вещь. То, что летом 1990 года проходил съезд партии, который, с его точки зрения, намеренно был превращен в балаган. Слово «балаган» звучало из уст Ивана Кузьмича многократно. О том, что, дескать, намеренно подбирался хаотически, по его словам, такой состав Центрального Комитета, который превращал ЦК в неработоспособный орган. То, что к микрофону рвались все, кому не лень. Пускай, все это правда, повторяюсь, что я не был на этом съезде. Но, квалифицировать же это можно и по-другому.

Это говорит о том, что партия к лету 1990 года вовсе уже не напоминала чинно-благородную структуру Брежневской эпохи. Иными словами, что партия обновлялась и демократизировалась, и соответствовала общему ритму жизни тогдашнего советского общества, соответствующему этапу развития Перестройки. Словом, партия, может быть, даже незаметно для себя, демократизировалась, усваивала ту форму острой политической борьбы, которая была характерна для тогдашнего советского государства. То есть, к лету 1990 года, и опять-таки, несмотря на все мое доброе отношение к Ивану Кузьмичу, безусловно, состав Центрального Комитета, который был избран тогда, можно, как угодно, говорить о нем, о том, что он был слабый, сильный или какой-либо еще, но когда можно было говорить о том, что на съезде в состав ЦК войдет такое количество людей, представлявших действительно интеллектуальную элиту нашего общества? Упомянут был только что Владимиром Валерьяновичем, у которого я имел честь работать многие годы, тот же самый Иван Иванович Мельников. Не упомянут был, но я назову его имя - Андрей Серафимович Грачев, который был последним пресс-секретарем президента СССР Горбачева. Отто Лацис. Безусловно, можно говорить и о том, что в разные годы он писал по-разному, но кто будет отрицать его интеллектуальный потенциал? Обратите внимание, в состав ЦК был избран Александр Якимович Дегтярев - последний заведующий идеологическим отделом ЦК КПСС, настоящий, в самом деле, доктор исторических наук, который сначала стал настоящим ученым, а потом уже начался его путь хождения во власть. Человек, который писал замечательные книги и, к сожалению, преждевременно ушел из жизни в 2020 году. Тот же самый Владимир Валерьянович Калашников, Александр Владимирович Бузгалин, упомянутый выше. Многие, многие другие. Иными словами, в партию вливалась свежая кровь из достаточно молодых в ту пору людей, которые действительно могли придать партии какое-то новое движение, новое поступательное развитие. Это говорит, с моей точки зрения, о том, что Генеральный секретарь видел

партию в качестве своего едва ли не наиболее значимого политического инструмента. Он хотел, чтобы партия работала, чтобы партия продолжала двигать железнодорожный состав Перестройки куда-то вперед.

И, безусловно, да и в разного рода воспоминаниях встречались слова о том, что, дескать, Горбачев, едва ли не уединившись с Яковлевым, писал, согласовывая с ним, список будущих членов Центрального Комитета. Безусловно, что была какая-то форма координации с Яковлевым, с Лукьяновым, с кем бы то ни было еще. Но, если мы будем говорить о том, какой расчет, с моей точки зрения, как у одного из его биографов, был у Михаила Сергеевича в ту пору, безусловно, что Горбачев продолжал воспринимать к лету 1990 года партию, как едва ли не основную свою политическую опору. И состав Центрального Комитета говорил, с моей точки зрения, о том, что он хочет сделать партию действительно не имитационной, а работающей политической структурой. Именно поэтому, извините за простоту слога, он набирал тогда по-настоящему умных, инициативных людей, выдвинувшихся в самые последние годы. И вот, я думаю, Владимир Валерьянович не обидится на меня, если я скажу, что, пользуясь нашими с ним многочисленными беседами, была за этим какая-то система. Посмотрите сами: Мельников работает в МГУ, значит, это продуманная ставка на ведущий университет страны. Калашников работает в Ленинграде университете потом возглавляет кафедру в крупном Электротехническом университете - ЛЭТИ. Опять-таки, это говорит о продуманности действий, о том, что ставка делается на два ведущих города страны. Ну и так далее. Лацис пишущий и зрелый человек, давно известный, давно работающий, опять-таки, который может оказать какую-то интеллектуальную поддержку. Дегтярёв связан с Медведевым, который является многие годы одним из ведущих соратников Горбачёва. Логика в действиях Горбачёва, с моей точки зрения, всегда присутствовала. Порой могло что-то не получаться, порой могло что-то получаться. Но опять-таки я ещё раз повторю, что, конечно, 28-й съезд показал, о чем позднее написали в их воспоминаниях его ближайшие соратники и помощники - Черняев, Шахназаров - о том, что перед съездом Горбачёв их собрал и сказал готовиться к нему как ни к чему другому, потому что надо делать ставку на партию, надо работать с ней, без партии у нас не получится.

Об этом, в частности, есть отклик в воспоминаниях Вадима Андреевича Медведева. Это едва ли не первая книга одного из соратников Горбачёва, которая была опубликована ещё в 1994 году. С моей точки зрения, это по сию пору едва ли не самые сдержанные и умные воспоминания из созданных представителями Горбачёвской команды.

Что показал 28-й съезд? Съезд показал то, что партия представляет собой действительно уже сложную, сложно составную, я бы сказал, структуру. Мне доводилось в своё время в РГАНИ, архиве новейшей истории страны, читать протоколы, направленные стенограммы съезда. И там мы видим первый раз, как советский народ, и потом российский народ узнаёт такую яркую фигуру, как Александр Иванович Лебедь, который, я бы сказал так, «бодается» с человеком известным всем в стране - Александром Николаевичем Яковлевым. И вот подобного рода сцены конфронтационные, тут говорилось об отчётах членов Политбюро, конечно, все это говорило о том, что партия могла превратиться в такую боевую полноценную структуру, где каждый из её лидеров умеет держать удар.

Времени конечно, не хватило. Акция ГКЧП очень многое оборвала. Вот тут, кажется, Борис Павлович говорил о редком участии Горбачёва в пленумах ЦК. Мне кажется, что тут произошло некое смещение акцентов. Я могу сказать об этом, как человек, который просмотрел отчёты секретариатов ЦК, которые, к сожалению, хранятся только в Архиве новейшей истории на Софийской набережной. Меня вот что поразило, когда я их читал, когда готовил свою книжку два года тому назад. Это же просто немыслимо: партия Ленинская, если мы будем читать «Правду», даже в 90-м в 91-м году постоянно будет встречаться такое словосочетание. Так вот, «штаб революции» этой Ленинской партии, ЦК собирается, секретариат собирается. Секретариат вообще никогда не упоминает имя Горбачёва. Они говорят о чём угодно. Они говорят о том, что вот, дескать, вчера по

телевизору показывали: сидят умудрённые политические мужи и говорят какую-то очередную клевету на нашу партию. Вот газета есть, уж не помню какая, в ней кто-то, - говорит покойный Олег Семёнович Шенин, - совсем уж мерзко пишет. Ну какая-то демократическая газета. Ну, и так далее, из раза в раз. То есть, это не перспективное планирование, а реагирование на только что свершившийся какой-то укус, извините, укол, или что-то ещё. То есть разговоры ведутся о том, что нас раздражает сейчас, ныне. И никогда, я не поленился, посмотрел в 90-е в 91-й год, это сотни страниц ужасных по качеству микроплёнок, никогда не упоминается Генеральный секретарь. То есть Горбачёв, по протоколам заседаний Секретариата ЦК, будто бы действительно живёт обособленно от партии. Только летом 1991 года, на одном из заседаний, видимо это была какая-то форма отчёта о ходе процесса в Ново-Огарёво, когда появляется наконец-то Генеральный секретарь, Валентин Михайлович Фалин просит дать отчёт своего генерального секретаря о том, что же происходит там в Ново-Огарёво. И Горбачёв буквально огрызается. Если бы вы знали, что там происходит, я бы вам рассказал! Да что бы вы поняли: Фалин говорит: «Мы здесь выражаем интересы миллионов коммунистов. Нам по-прежнему люди верят. По-прежнему, говорит Фалин, миллионы людей выписывают газету «Правда». По-прежнему происходит какое-то ожидание от нас. Мы всё ещё, говорит Фалин, правящая сила». Это июль 1991 года. «И если мы будем знать, что в Ново-Огарёво происходит что-то несоответствующее результатам Всесоюзного мартовского референдума, то тогда простые коммунисты и простые советские люди будут вправе поставить вопрос о вас. О вас и о нас», - говорит Фалин. Конечно, это прямая конфронтация с руководителем партии. Обзор документов Секретариата ЦК показывает, что Горбачёв, правильно тут говорил Борис Павлович, Горбачёв, в значительной степени возложил на Владимира Анатольевича Ивашко руководство повседневной жизнью партии. Почему? Потому что у него была уйма другой работы. Он был президент, и, конечно, если мы почитаем в том же самом архиве органе журналы заседаний у Горбачёва, это просто какой-то ужас.

С самого-самого раннего утра встреча с товарищем таким-то, встреча с товарищем другим, десятки посетителей в день. И все они приходят не для того, чтобы чай с сухариками попить. И это ещё не все: если мы смотрим записи о заседаниях в президентском его журнале, то там нет информации о его работе в качестве Генерального секретаря. Нет материалов международных встреч. Жизнь Горбачёва в 1990-1991 году фантастически насыщена тяжелейшей изнурительной работой. И поэтому, когда партия говорила, что ей было обидно, что Генсек устаёт от неё, да, потому что произошло вот такое разделение президентских и партийных аппаратов, функций заряженности, что ли, Горбачёва на разные по напряжённости в его глазах, видимо, даже и по значимости дела. Конечно, результаты съезда показывают то, что конкретно к лету 1990-го года, это, наверное, пик международного авторитета Горбачёва, голосование на выборы Генсека было безальтернативным. В каком плане безальтернативно? Горбачёв был обречён на победу. Вот вчера тот же самый Иван Кузьмич Полозков мне сказал, что если бы на нас тогда не надавили, любой бы сильный кандидат пошёл бы в роли альтернативы Горбачёва. «Я бы пошёл бы и выиграл бы; Ельцин пошёл бы и тоже выиграл бы», - сказал Полозков. Но Горбачёв, по его словам, так ловко всё подстроил, что, по сути, он только с Авалиани должен был воевать за пост Генсека. Понятно, что он должен был выиграть это соревнование с Авалиани. А вот, если бы, говорит Полозков, кто-то из сильных кандидатов пошёл бы, то было бы по-другому. Но что показывают те же самые газетные материалы, которые я посмотрел? То, что едва ли не каждый из делегатов съезда по просьбе «Аргументов и фактов» писал анонимный ответ на вопрос: «Кого вы хотите видеть Генеральным секретарём?» И с большим отрывом побеждает Горбачёв. Примерно 75% за него. К слову, это почти совпадает с результатами итогового голосования по выборам Генерального секретаря. То есть этот анонимный опрос делегатов съезда практически отразил итоги голосования, которое свершилось наяву, когда выбирали Горбачёва. Но второе место, как это ни странно и что меня совершенно удивило, около 20% голосов

получил Александр Николаевич Яковлев. То есть всё-таки у него был довольно-таки капитальный авторитет в глазах партии к лету 1990-го года.

Конечно, съезд показал размежевание с тем человеком, который сыграл очень видную роль в первые годы пребывания Горбачёва у власти. Я имею в виду фигуру Егора Кузьмича Лигачёва. Вот сегодня к нам обещал прийти Юрий Анатольевич Прокофьев, но не смог прийти по состоянию здоровья последний московский партийный лидер. И он писал в 1991 году в книжке, которая так и не была опубликована, к сожалению, потому что были августовские события, но она была собрана уже и набрана. И Прокофьев собрал в ней все свои публикации в газете «Московская правда». Я так понимаю, это такой был рупор партийного лидера Москвы. И он летом 1990-го года говорит: «Конечно, мы все, старые коммунисты по-человечески любим Егора Кузьмича, но Егору Кузьмичу в следующем году 70. И поэтому правильный выбор сделал товарищ Горбачёв, что в качестве своего заместителя выдвинул Владимира Антоновича Ивашко. Он и помоложе, и посильнее». Но, видите, неисповедимы пути Господни. Ивашко умер в середине 90-х годов, а Егор Кузьмич, благодарение Богу, дожил до 100 лет. Но, тем не менее, результаты того съезда показывают то, что Горбачёв, несмотря на то, что в партии уже складывались какие-то платформы, всё-таки ещё мог к лету 1990-го года достаточно уверенно удерживать контроль над партией. Да, постепенно власть утекала из рук партии, как и контроль над страной. И власть Генсека в самой партии, контроль над ней постепенно начинал меньшим становиться по объёму, и это показали драматические перипетии трёх последних пленумов в истории партии. Я имею в виду Январский пленум 1991 года, Апрельский пленум 1991 года и Июльский, последний, о котором мы сегодня слышали. Но в данном случае я согласен с существующими мнениями, что далеко не был предreshён итог 29-го съезда, который так и не состоялся. Если бы Горбачёв пошёл бы на этот съезд с подписанным пускай, может быть, даже каким-то куцым в глазах общественности Союзным договором, с принятой Программой партии и с какими-то зримыми результатами его деятельности, я абсолютно убеждён и у меня есть ряд сторонников, которые считают, что Горбачёв, будучи виртуозом политической борьбы, маневрирования, всё-таки сумел бы убедить делегатов, и победа осталась бы за ним.

Ну и, конечно, что и для меня, как человека, любящего какую-то театральную сторону нашей жизни, главный такой эпизод съезда - это всё-таки исторический выход Ельцина из партии. Это была брошенная в лицо перчатка. Отныне начинается борьба, даже война за положение первого человека в стране. Я лично именно так воспринимаю размежевание Ельцина с партией, которое было сделано так демонстративно, что отныне он Ельцин, как председатель Верховного Совета, коммунист Ельцин исчезает. Появляется теперь политический трибун, политический игрок с большой буквы, человек, наделенный немалой властью в государствообразующей республике страны, который бросает открытый вызов президенту этой страны. И он, по сути, порывает с ним, как с руководителем все еще контролирующей командные высоты партии. Иными словами, для меня 28-й съезд – это такая очень важная промежуточная точка, которая зафиксировала, по сути, начало нового этапа ожесточенной борьбы и в партии, и в руководстве страны, и РСФСР. Конечно, после такого демонстративного акта со стороны Ельцина другие тоже могли уже потихоньку начинать смелеть.

Иными словами это, с одной стороны, начало открытой борьбы, а с другой стороны, это, если угодно, такой последний, более или менее какой-то предсказуемый политически, крупный спектакль в жизни Советского государства, во всей его истории. Все последующие события, возьмем тот же самый декабрьский съезд народных депутатов 90-го года, пленумы ЦК партии, они были уже малопредсказуемыми. Никто не мог знать, как это все пройдет. Летом 90-го года съезд все-таки прошел, с моей точки зрения так, что Горбачев, может быть, не в полной мере, но по итогам его, мог квалифицировать эти итоги, наверное, как свою победу, как он к этому и стремился изначально. Спасибо.

Рябов А.В.: Спасибо, Александр Сергеевич, за очень интересное выступление.

Пученков А.С. : Можно я последнее скажу? Вот еще самое последнее. И всем без исключения будет любопытно, что летом 90-го года в газете «Советская Россия» появилось первое большое публичное обращение к нации, подписанное скромно: кандидат философских наук Г. А. Зюганов. Он говорил о том, что «вызревают грозные тяжелые течения в нашей жизни, но партия и советское государство, как всегда, на зло критикам выстоит и вновь победит. Я призывал всех к бдительности». Это было сообщение, опубликованное именно в дни 28-го съезда. Спасибо.

Рябов А.В. Спасибо. А на мой взгляд. В Вашем докладе прозвучала еще одна очень интересная мысль о том, что это был переломный момент в нашей позднесоветской истории. Когда были различные альтернативы, что все было не predetermined, были разновекторные процессы. С одной стороны, сохранялся достаточно высокий уровень доверия и поддержки для КПСС, а с другой стороны, вся эта реактивная позиция многих партийных руководителей, партийного руководства, которое вместо выработки стратегии и продвижения этой стратегии в реальной политике занималось таким оперативным реагированием на всякого рода текущие события. Еще, на мой взгляд, одна тема прозвучала, которую мы в своем вопроснике не отразили, но на самом деле она действительно возникла на съезде. Это даже смещение фокуса борьбы между консерваторами и реформаторами на борьбу личностей - руководителя Советского Союза и недавно избранного руководителя Российской Федерации. И что эта борьба постепенно оттеснила существующие противоречия, сложившуюся политическую архитектуру, политический ландшафт на второй план.

И это тоже очень интересная новая мысль в нашей дискуссии прозвучала. Пожалуйста, теперь вопросы. Только, пожалуйста, задавайте их адресно кому-то конкретному из докладчиков. Не надо ко всем, потому что иначе у нас не хватит времени. Мы сразу исчерпаем свой лимит времени, который у нас есть. Пожалуйста.

Юрий Козырев: Юрий Козырев, РГГУ, студент и представитель студенческого научного общества, СНО «Методы и тексты». Вопросы у меня есть на самом деле ко всем трем докладчикам, но если кому-то надо задать вопрос, то я, конечно, с удовольствием передам микрофон. Давайте, наверное, начнем с вопроса, непосредственно относящегося к съезду. Я его задам. Александр Сергеевич, вы отмечали в своем докладе такую оценку съезда Полозковым как балаган, некий такой коллективный заговор, когда Михаил Сергеевич с Александром Николаевичем вписывали нужных им кандидатов в состав Центрального Комитета. У вас как у историка есть какое-то объяснение, почему представители такого консервативного течения, а это не только Полозков, и другие деятели тоже, писали о том, что на съезде имел место какой-то заговор, почему они объясняют те события именно так, какими-то заговорами, закулисными интригами? Почему им импонирует такая объяснительная модель, которая очень конспирологическая? Почему нет каких-то объяснений, почему люди именно так голосовали? Почему даже до самой старости они в это продолжают верить и транслировать такие мысли?

Пученков А.С. Мне трудно на этот вопрос ответить. Может быть, для того же самого Ивана Кузьмича Полозкова, для людей, близких к нему по политическим взглядам. сих пор неосмысливаем и непринимаем сам факт того, что партия как политическая сила руководившая страной, проиграла в девяносто первом году. В тот же самый Иван Кузьмич не считает ту ситуацию фатальной, predetermined и так далее. То есть он склонен объяснять это мировой закулисой, какими-то другими факторами. То есть в данном случае, когда вот говоришь с тем же самым Иваном Кузьмичем, к которому я очень хорошо отношусь, ну, как вам сказать, видишь такое сочетание очень-очень разумного и умного человека, который обладает великолепной, буквально фантастической я бы сказал,

памятью, но иногда есть несколько сюжетов которые обязательно нужно осмыслить в рамках его такой вот заговорческой интерпретации. Ну, это вот такое сочетание какой дремучести с вполне себе разумностью читающего грамотного человека. Ну, иными словами, ну это классическое положение проигравшего, и не Полозков и его окружение проиграли в 91-м -м году с треском, а многие другие. Ужасно, что очень многие люди, как он мне рассказывал, кончали жизнь самоубийством, оказавшись вмиг на обочине. В духе, «которые тут временные слазь, кончилось ваше время». И он мне рассказывал то, что с его точки зрения ну, конечно, очень многие действительно немножко повредились, именно в 91-м году вмиг оказавшись на обочине.

Ну, и плюс, наверное, какое-то не очень систематическое какое-то образование. То есть, вот такая вот хаотическая структура мышления, она объясняется, опять-таки, с моей точки зрения, именно колоссальной безмерной обидой. Мы проиграли, мы работали, мы старались, мы этого не заслужили. Значит, кто-то нас подставил, по-русски говоря, по-современному. Кто? Ну, вот я вам предлагал ответы: Горбачёв, Ельцин, Яковлев. Ельцин, естественно, «всеобщий любимец», и так далее. В общем, тяжело это слушать, но поскольку человек в два раза меня старше, перебивать его не приходится. Спасибо.

Рябов А.В. Вопреки моему желанию уменьшить количество вопросов, и Борис Павлович ещё тоже хотел бы свою версию ответа.

Гуселетов Б.П.: Позволю себе тоже поделиться кратким воспоминанием об Иване Кузьмиче. У нас, делегации Свердловской области, тоже была встреча с ним, когда его избрали Первым секретарём ЦК Компартии РСФСР. Это было, как я сейчас помню, в тогда ещё существовавшей гостинице «Россия». Он пришёл, долго отвечал на вопросы, но я запомнил один интересный момент, который, на мой взгляд, очень точно характеризует эту личность. У нас там была такая очень активная женщина, она ему сказала: «Как вы считаете, сейчас в России всё больше и больше в партии плюрализма мнений, как вы к этому относитесь?» И ответ был поразительный. Он говорит: «Я поддерживаю плюрализм, но выступаю за единство плюрализма».

Понимаете, это дословно, я присутствовал при этом. Я слушал внимательно Владимира Валерьяновича, он очень интересно он выступал. Но, на мой взгляд, наши позиции различаются тем, что я пытаюсь смотреть на ту ситуацию как бы не изнутри партии, а извне, из того, что в стране происходило. И как партия была элементом этих процессов, происходивших в стране. А вот и Полозков, и Калашников, они, как бы смотрят изнутри партии. И им казалось, что в партии всё было более-менее нормально. Да, были миллионы членов КПСС. Хотя, как я рассказывал, что специально сходил в областной комитет и взял статистику. Ну а там была информация, что за последние 5 лет 5 или 6 тысяч выбыло. Молодёжь вообще давала ноль прироста. Вот помню, как сейчас: мне говорили, что молодёжь 20-25 лет не идет в партию. Понимаете? А люди продолжают рассказывать о миллионах о прочих историях.

Поэтому, на мой взгляд, эта ситуация с тем же Полозковым связана с тем, что партийные чиновники воспринимали все это изнутри. Что партия как бы остаётся на лидирующей позиции. События же, которые в стране в то время происходили, отодвигали партию всё больше и больше от роли этой руководящей и направляющей силы. И она, вместо того, чтобы попытаться изменить себя, и сделать то, что Горбачёв пытался превратить ее в реальную политическую структуру, не в государственную организацию, которой она, по сути, была, а именно в политическую структуру, у которой должна быть своя позиция по тем или иным вопросам, она продолжала держаться за старое. Совершенно правильно было сказано о реактивной политике о реактивной реакции даже того же Секретариата. Вот на нас на телевидении «наехали», и мы, значит, будем отвечать. Вместо того, чтобы сказать, давайте мы пойдём и будем высказывать свою позицию, свою точку

зрения. Но я не помню даже в то время, чтобы кто-то там, из секретарей ЦК выступал по телевидению, излагал какие-то свои позиции.

Поэтому, мне кажется, что здесь очень важно понимать позиции людей, о которых мы говорим. Изнутри партии казалось всё хорошо, а если посмотреть снаружи, то в стране происходило то, о чём я говорил. И поэтому позиция Полозкова здесь вполне понятна.

Рябов А.В.: Спасибо. Есть ли ещё какие-то вопросы? Да, пожалуйста.

Александр Дмитриевич Матлин: Да, спасибо большое. Александр Дмитриевич Матлин, коллега Александра Сергеевича Пученкова по Лаборатории современной истории России. У меня вопрос, который я бы хотел задать, наверное, всем выступавшим и даже, наверное, всем здесь присутствующим. Но, учитывая ограничения, задам вопрос только Владимиру Валерьяновичу Калашникову. Сегодня в докладах всех участников, и это показательно, прозвучала фамилия Владимира Ивашко. А в Петербурге недавно была лекция одного видного ученого, про историю Украины, и когда говорили о ее современном этапе, его имя даже не упомянули. Я потом подошел к лектору, спросил, а почему так, и он сказал, что это политический пигмей, зачем вообще о нём говорить. А с моей точки зрения, это ужасное упущение. Вообще-то после политической реформы человек был первым председателем обновленного Верховного Совета Украины и был предпоследним лидером Коммунистической партии Украины, и он отказался от этих постов - для чего?

Для того, чтобы перейти на работу на новый пост, который был утвержден именно на этом съезде, 28 съезде. На пост заместителя Генерального секретаря ЦК КПСС. Вот Александр Сергеевич сказал, что, наверное, главное событие этого съезда – это выход Ельцина из партии. Для меня же - утверждение этого поста главное событие 28-го съезда. Ведь если бы Ивашко оставался фактически монопольным главой Украины, может быть, процессы суверенизации этой республики шли бы по-другому. И вот вопрос - Владимиру Валерьяновичу. Что вы думаете по поводу Ивашко? Не был ли его переход в центр на новый пост в партии стратегической, наверное, самой главной ошибкой Горбачева, сделанной тогда? Спасибо.

Гуселетов Б.П.: Да, вот я позволю себе вмешаться, раздвинув рамки только что заданного вопроса. Мы говорили о перспективах партии, что она могла бы сохраниться, сохранить свою роль. Но давайте опять взглянем на исторический факт. Произошёл распад Советского Союза вместе с ним и КПСС распалась на 15 региональных организаций, о которых Владимир Валерьянович говорил. И что с ними потом произошло? Где хотя бы одна из этих партий сохранила за собой лидирующие позиции? Да, их лидеры, Назарбаев, Бразаускас, другие, они остались во главе своих стран. Но они отказались от «лейбла» КПСС, Компартии В Казахстане возникла президентская партия «Отан» (затем «Нур Отан»). Бразаускас значит сделал и возглавил Партию труда Литвы социал-демократического толка. Кстати, это была единственная оставшаяся в Прибалтике у власти, которая была создана на базе КПСС, но она не была коммунистической. И вот здесь кроется ответ на Ваш вопрос. Да, на Украине, вы можете сказать, что там была очень слабенькая Компартия. Она была в парламенте представлена, но более сильной была Социалистическая партия Мороза, Поэтому, на мой взгляд, уместно поставить вопрос: судьба Ивашко то показатель чего? Того, что ни в одной из республик бывший лидер Компартии не остался ее лидером в условиях независимости. Поэтому совершенно не могу согласиться с тем, что, когда нам говорили, что избрали Брежнева, избрали Андропова, избрали Черненко, что это неслучайность. Это всё следствие однопартийной системы, это всё следствие идеологического диктата, да, это следствие того, что партия всё больше и больше превращалась в организацию, где есть элита, которая всё решает, и есть, так сказать, массовая членская база. А когда наступили серьёзные времена 1991 года, оказалось, что партийная элита, в общем, практически неконкурентоспособна. Ни в Кыргызстане, ни в

Узбекистане, ни в Таджикистане, ни в Туркменистане, ни в Армении, ни в Грузии, нигде. Ну, Воронин был, но он потом появился в Молдавии, появился ненадолго и опять исчез. И, собственно говоря, сегодня в республиках сильных компартий как таковых нет.

И это тоже свидетельство кризиса идеологического, который в КПСС намечался и который нужно было решать. Вот о чём мы там на пленумах с тем же Гидасповым спорили, когда он говорил: «Хотят коммунизм похоронить!», а ему приводил цитаты из Розы Люксембург, из Карла Маркса, который говорил, что те, кто клянутся моим именем, но просто повторяют мои идеи, не привнося в них ничего нового, гробят марксизм. Что марксизм — это учение, которое может жить только, если оно развивается. Потому что Маркс не мог в 19 веке предвидеть всё, что было в 20-м, как нам товарищ Суслов нам пытался объяснить цитатами из Маркса. Поэтому, на мой взгляд, это серьёзная проблема. И Ивашко в этом контексте не был серьёзной политической силой. И я не думаю, что он мог бы оставаться лидером Компартии, оставаясь на Украине, что-то там решать. Вот у меня такие впечатления остались от этой фигуры.

Как, впрочем, и от остальных политических деятелей за исключением Назарбаева, Бразаускаса, может быть еще двух-трёх республиканских лидеров, к которым я с уважением относился. Это были на самом деле сильные политические фигуры. Но, к сожалению, как я вам говорил, они от КПСС отказались. И от коммунистической идеологии отказались.

Калашников В.В.: Начну с того, что Ивашко, конечно, был преданным коммунистом. Его Горбачёв попросил занять пост своего зама. Одна из особенностей Устава партии состояла в том, что генсека избирал съезд. Я об этом не сказал. Почему это было сделано? Это было сделано специально после долгих обсуждений. Всё-таки мы тогда боялись, что, возможно будет консервативный поворот. Что если генсека будут избирать пленум ЦК, то на каком-то пленуме он просто перестанет быть генсеком. Мы не знали, что произойдёт после 28-го съезда. И сами вы понимаете, что Апрельский пленум 1991 года чуть было не отправил Горбачёва в отставку. Этого не случилось потому, что все понимали, что это незаконная акция, о чём я чётко сказал. Считалось, что я знаю Устав, я его и писал. Я тогда коллегам сказал: «Имейте в виду, это раскол партии, потому что это незаконная акция». Пленум не избирал генсека. Генсека избирал съезд.

Зачем был нужен помощник генсека – его первый заместитель? Потому что уже было понятно, что Генеральный секретарь, который является президентом, выполнять работу генсека в полной мере не может. Значит, нужен человек, который будет его замещать. И Горбачёв выбрал Ивашко. Я не думаю, что он так промахнулся и считал Ивашко слабым человеком. Ивашко пользовался на Украине популярностью. Кстати, Гуренко, который его сменил, он тоже пользовался популярностью. Но там появилась третья фигура, очень хитрая, которая фактически обманула всех. Это Леонид Кравчук. Он, как мне рассказывал Ивашко, на коленях стоял перед Политбюро Украины, Компартией Украины и клялся, что «Ребята, я коммунист, но вы же меня знаете, поэтому поддержите меня на пост председателя Верховного Совета Украины. Я буду точно проводить политику партии». Ему сказали, что мы тебя поддержим, ты же секретарь по идеологии. И это был просто прямой обман с его стороны. Потом Кравчук писал, что только после ГКЧП у него пришла мысль о том, что Украина может быть независимым государством. И с ним очень хорошо поработали специалисты за пределами СССР. Ну, грубо говоря, рука Госдепа там была стопроцентная. Это всем известно. И так на него повлияли.

Что с судьбой Ивашко? Ну, вы знаете, у него был рак. Он летом 1991 года пережил тяжелую операцию на горле. Он приехал из Барвихи еле-еле вышел из машины в дни ГКЧП. Горбачев уехал, что было, конечно, ошибкой. в Форос. И кого он оставил вместо себя? Не Ивашко, потому что Ивашко был болен. А Шенина. А Шенин как раз уже ходил на объект АБС, где принимал позицию Крючкова, что надо самим делать ГКЧП без согласия Горбачева. Вот это была тоже, конечно, ошибка. Мы предположить не могли, что будет

создан комитет о чрезвычайном положении без согласия Горбачева. Потому что такой комитет готовился весной 1991 года по указанию Горбачева. И все роли были расписаны. Что кто делает и зачем это делается. Но все были уверены, что это будет акция абсолютно конституционная, легитимная. И она имела все шансы на успех. Но вот такое решение Крючкова, которого я считаю главным виновником создания ГКЧП и совершенно дурацкого плана по его внедрению - вот она к этому привела.

Теперь по поводу того, как другие президенты, бывшие члены КПСС, перестали быть членами КПСС. Это, конечно, тоже во многом шок от ГКЧП. Понимаете, ведь тогда фактически, когда танки в Москву ввели, стали людям говорить, что вот коммунисты - они фашисты, они пучисты. И все этого очень боялись. Партия посыпалась. Потому что совершенно невозможная, неожиданная была акция ГКЧП. Вы помните, какое было впечатление на улицах Москвы, и позже Питера? Нельзя было так делать. Очень глупо все это было сделано. Были ли шансы? Если бы не было ГКЧП, я уверен, что никто бы из партии не вышел. Отколы у нас были. Они были уже с 89-го года. У нас статистика эта была. По обкому. Я был избран членом бюро обкома. Мы это отслеживали абсолютно всегда. Сколько вступило, сколько вышло. Прием шел. Прием шел у молодых ребят. Ну, в вузе у меня на глазах, что называется, вступали в партию люди.

А вот после ГКЧП шансов уже, конечно, не было. Я согласен с Александром Сергеевичем, что, может быть, Горбачев на очередном съезде сумел бы удержать ситуацию. Но много было, конечно, уже оппозиции его курсу. Горбачева считали просто слабым лидером в условиях кризиса Советского государства как государства федеративного. Многие так и говорили. Вот, например, лидер московской организации Прокофьев. Он уговорил Гидаспова, что давай мы на Апрельском пленуме жестко выступим. Вот целая группа секретарей ЦК выступит. Давай мы Михаилу Сергеевичу скажем! Но речь не шла о том, что давай мы его отправим в отставку. Потому что мы сразу сказали, что это не по уставу. Но вот как-то так скажем, чтобы надавить на него. Но никто не думал, что он встанет и уйдет. Они тоже испугались, когда он встал и ушел. Просто надо понимать, что за люди это были. Очень неглупые это все люди были. Ну кто такой Гидаспов, если вы знаете? Да, вроде, первый секретарь Ленинградского обкома. Но до этого он был директором ГИПХа.

А что такое ГИПХ? Это государственный институт прикладной химии. Это люди делали топливо для ракет. Он был высококлассным химиком. Он тушил Чернобыль. Он получил орден Ленина. Единственный из ученых в связи с Чернобыльской аварией. Больше никому не дали. Считали, что не виноват. А ему дали орден Ленина. Потому что он показал, как тушить Чернобыль. Он занимался взрывами. Какие другие члены ЦК были? Ну, Денисов Анатолий Александрович. Он был председателем комиссии по этике. Депутат союзного парламента. Также очень уважаемый человек. Доктор технических наук. Профессор. И Полозков меня удивил своими оценками. Элита же пришла к власти! Неужели мы не понимали? Мы, конечно, понимали, что мы не со стороны партии, не внутри партии смотрим на процесс. Мы как раз смотрели на него, исходя из того, что происходит в стране. И анализируя эту ситуацию, оценивая ее, считали, что есть реальные условия сохранить власть.

Но для этого нужно было только сделать одно. Сохранить контроль над политикой президента. А вот этого Центральный Комитет, к сожалению, сделать не смог. Летом 91-го года Михаил Сергеевич вышел из-под контроля ЦК, из-под контроля секретариата ЦК. Он решал свои личные проблемы. И его встреча с Назарбаевым и Ельциным, конечно, это была кулуарная договоренность. Насколько я себе это представляю, цена его согласия на такое подписание Союзного договора состояла в том, что они поддержат его на выборах нового президента страны по новой Конституции. Или по новому Союзному договору. И эти выборы тоже не планировались как всеобщие. На всеобщих выборах я не уверен, что он победил бы. Но это были бы выборы, которые проводились бы по-особенному. И он гарантировал бы себе на них президентское кресло. Вот из-за этой гарантии он согласился на то, что было недопустимо. Он согласился начать подписание нового проекта Союзного

договора без обсуждения его текста в союзном парламенте. Вот это была, конечно, ошибка, которая стоила ему поддержки очень многих.

Конечно, мы были в шоке от того, что эта операция будет сделана. Но повлиять не смогли. И вот ГКЧП было неожиданным. И его согласие на Союзный договор в таком формате было неожиданным. Фактически это были два события, которые определили судьбу страны. Спасибо.

Рябов А.В.: Спасибо, Владимир Валерьянович.

Зигмунд Антонович Станкевич: Уважаемые коллеги, я просто хочу отреагировать поскольку была названа фамилия Кравчука, и упомянут его решительный переход из одного лагеря в другой. Я хочу сказать, что Леонид Макарович 19 августа с телефона, что называется, просто не слезал, звонил Ревенко в Кремль и интересовался, куда ветер подует. И это продолжалось еще 20-го. Ну, ни один Леонид Макарыч был грешен в этом плане. Звонили почти все, кроме, наверное, Нурсултана Абишевича и...

Из зала: Он звонил.

Станкевич З.А.: Не знаю. Я был в этой приемной, когда эти звонки поступали, поэтому я не помню, чтобы Нурсултан Абишевич звонил, но Кравчук звонил непрерывно. Вот, поэтому его переход после 20-го был совершенно естественным. Борис Павлович, еще вы забыли Лучинского. Он стал президентом в Молдове. Спасибо.

Гуселетов Б.П.: Да, но Лучинский партию возглавил Аграрную партию Молдовы. Я прошу прощения, я тоже отреагирую на то, что Владимир Валерьянович сказал. Хочу возразить его словам, что ГКЧП произошло и поэтому уже нельзя было под флагом КПСС идти. Но почему Бразаускасу хватило мужества создать, допустим, Партию труда? То есть он остался в этой, социалистической нише. Почему Морозу хватило мужества остаться в Социалистической партии? А почему Назарбаев вообще распустил партию? Почему в других республиках вообще о КПСС не слышно было? То есть, люди по-разному себя повели. Были политики, которые не отказывались от своей идеологической позиции, они ее скорректировали и остались в «политической обойме». А были те, строго говоря, эти случайные люди, как Кравчук, которые звонили, и потом, когда события произошли, они исчезли в небытие. Вместе с коммунистической идеологией, с коммунистическими партиями своих республик. Спасибо.

Калашников В.В.: Нет, вы, видимо, не очень меня правильно поняли. Я совсем не говорил, что после ГКЧП для партии вообще не было никаких шансов. Речь шла о другом, что возникновение ГКЧП позволило Ельцину запретить КПСС, по крайней мере, на территории России. Это была важнейшая акция, конечно. В союзных республиках стали думать, а нам-то что делать? Они просто реформатировались всем составом партии. Они не изменили партии, и не только лидеры создали новые партии. Просто Компартия Казахстана стала другой партией. И все руководство там осталось, и весь аппарат остался. Там телефонные справочники и фамилии не менялись. Поэтому здесь все спокойно протекало. После Ельцина никто не хотел идти под коммунистическим флагом. И мы, к сожалению, понимали, что в России тоже это будет тяжело. Для этого была создана такая площадка, запасной аэродром. Это было решение секретариата ЦК. Пока КПСС Ельциным запрещена в России, пусть будет Социалистическая партия трудящихся. Фактически на той же платформе, которая была сформулирована в Программном заявлении XXVIII съезда КПСС. И пока не прошел процесс в Конституционном суде, она существовала, и обеспечивала возможность коммунистам как-то собираться. Конечно, это были уже крохи из 19 миллионов - было меньше миллиона. В самое лучшее время было где-то 700 тысяч, а потом

еще меньше тех, которые вообще захотели зарегистрироваться в партию, которая была как бы наследником КПСС. То есть люди боялись. Я это прекрасно знаю на себе, потому что я приходил в свой институт, и все говорили, что мы тебя поддерживаем, но при этом не хотели вступать ни в какую политическую организацию. Вот и с этим мы столкнулись. К сожалению, эта пассивность и интеллигенции, и не только интеллигенции в России, она превосходила то, что было в Восточной Европе. Там много людей как-то пытались продолжать свою политическую деятельность на левом фланге. А у нас доминировала иная тенденция. Давайте-ка я уйду в сторону и больше ничем заниматься не буду. И поэтому из 19 миллионов коммунистов там в Компартии остались очень-очень небольшое количество людей. Это история России. Сервильная история России. Наивный монархизм в разных формах, который у нас был с московской Руси еще. Он никуда не делся. Поэтому тут вариантов нет. Мы, кажется, это все очень хорошо просчитывали и искали новых лидеров, которые не были связаны со старым партийным руководством. Ну, Рой Медведев, тот же Денисов, - вот такие разные фигуры. Но мы хотели, чтобы интеллигенция вошла в партию. А она все равно боялась. Но когда мы поняли, что никто не идет, пришлось согласиться с тем, что решением Конституционного суда. Результатом стало создание Компартию Российской Федерации во главе с Зюгановым. Спасибо.

Козырев Ю.: Еще один вопрос Борису Павловичу. Вы несколько раз привели статистические данные о том, что молодежь в партию не шла. И если обращаться к каким-то косвенным источникам, например, кино того времени, то Ваш вывод подтверждается. Есть целая серия фильмов про проблемы поколений, что молодое поколение не принимает существовавшие тогда институты, в том числе Компартию, официальные ценности. В связи с этим у меня сразу несколько вопросов. Насколько молодежь была представлена на XXVIII съезде? Были ли там делегаты, которые представляли ее? Или вообще делегаты из этой возрастной группы? Была ли эта молодежь такой аполитичной, как ее, опять же, показывают, например, в кино, как такую ярко отрицающую все ценности социалистического строя? И такой третий, в большей мере философский вопрос. В какой момент молодежь стала такой, в такую превратилась? Когда ей партийные ценности, партийная политика, стали неинтересны? И стало выгодно заниматься чем-то другим: какими-то кооперативами или каким-то своим делом, чем идти в политику по такой традиционной ленинской линии? Спасибо.

Гуселетов Б.П.: Спасибо за вопрос. Во-первых, что касается молодежи на съезде. У меня, к сожалению, нет статистики. Но то, что молодежь была, это без сомнения. И мы даже, как я уже говорил, создали такую группу, очень активную группу. Она насчитывала, может быть, человек 30-40. Она называлась «Молодые коммунисты». Мы ее так называли. И вот я от имени этой группы выступал на съезде КПКРФ. Там я к Полозкову подошел и сказал, что я не просто хочу выступить, а именно от имени молодых коммунистов. И он ответил: «Ну, молодым всегда дадим слово». И потом, конечно, по-моему, очень сильно пожалел об этом. Но, тем не менее. Дело в том, что это были люди лет так 30-35. Конечно, там 20-25 летних не было. Поэтому это немножко другое. Это все-таки люди уже, которые прошли какой-то определенный этап жизни в партии, имели какой-то опыт работы в ней. Которые прошли на съезд благодаря тому, о чем мы говорили с коллегой Калашниковым, благодаря свободным выборам. Так что, бесспорно, молодежь была представлена на съезде.

Однако, по существу, никого из этой группы не помню, чтобы они куда-то пробивались. Они как бы разошлись и в Компартии не остались. А вот то, что вы сказали. Как бы позиция молодежи вообще. Конечно. Дело в том, что, когда началась политика Перестройки, когда у людей появились разные возможности, которых раньше не было, многие стали искать собственные пути, строить собственную карьеру, и не только политическую. Я вот помню себя, помню моих знакомых хороших. Раньше даже в рамках производственной

деятельности, можно было занимать какие-то посты, но ты обязательно должен был на каком-то этапе стать членом КПСС. И когда все это пропало, то это, конечно, был очень сильный стимул для молодежи в этом деле не участвовать. Это раз. Во-вторых, как я уже сказал, когда появилась возможность высказывать разные точки зрения, отойти от «единства плюрализма», и можно было заявлять, что я социалист, я либерал, то конечно же, это тоже был серьезный стимул к иному выбору, чем КПСС. Я бы не сказал, что молодежь того времени была аполитичной, она была достаточно политизированной. Я помню в Свердловске был дискуссионный клуб. Как же назывался? Это была площадка. Ее Геннадий Бурбулес курировал. Люди выступали с разных позиций, высказывали разные точки зрения. И там было очень много молодых людей. И там были серьезные дискуссии о том, что в стране происходит, какие события, как себя вести, какие позиции занимать. Еще одно свидетельство в пользу моего тезиса.

Оставлять единственной политической силой в Советском Союзе в начале 90-х КПСС - это было контр продуктивно. Это была серьезная политическая ошибка. И Горбачев это понимал, что надо давать людям и иные возможности. Почему я это говорю? К сожалению, Михаил Сергеевич не сделал очень важный шаг. Не просто разделить КПСС. Не в этом дело. Нужно было создать механизм политической конкуренции. В странах Восточной Европы люди, представители интеллигенции, занимали более конструктивную позицию по этому вопросу. Почему они ее занимали? Да потому что в Венгрии уже была создана либеральная сила, которая пришла к власти. Но потом она проиграла. И вернулись к власти те же коммунисты во главе с Ласло Ковачом и Дьюлой Хорном. Но они под другим флагом, под другим названием вернулись. То же самое в Польше произошло. Когда партия Квасневского пришла к власти. То же самое произошло и в Болгарии. То же самое произошло и в Литве, и в других странах, где люди, не отказавшись от своей левой идентичности, просто трансформировали ее в более современную. Не с коммунистическую, а левоцентристскую с социал-демократической идеологией. Они сохранили свои политические силы. Да, они проигрывали на первых этапах, но потом возвращались. Они понимали, что живут в цивилизованном государстве, где есть политическая конкуренция. И где то, что ты был бывшим коммунистом, это не предательство. Это не политическая смерть. Это возможность участвовать в политической конкуренции. И вернуться к власти. И все это происходило. У нас же, к сожалению, этот механизм не был создан. И поэтому я соглашусь с господином Калашниковым, что на самом деле, когда Ельцин запретил КПСС, это вызвало серьезную обеспокоенность. Этот шаг Ельцина я не могу его оправдать, имея перед глазами опыт других стран.

Для меня это самая главная и серьезная проблема. Я сказал, что она и сегодня не решена в России - отсутствие института и механизмов цивилизованной политической конкуренции. Могу привести пример. Участвовал в конференции в дипломатической академии. Мы там обсуждали разные проблемы. Очень много молодых людей было. И вот выступала девушка лет 25-30. Ее тезисы очень простые такие. Она сказала, что в Китае народ объединился вокруг Си Цзиньпина, в России вокруг Путина. А вот в Америке вокруг Трампа никто не объединяется. Интересный такой факт. Молодая девушка 25-30 лет.

Рябов А.В.: Есть ли еще вопросы? Если вопросов нет, то я как модератор позволю себе от себя задать вопрос. Вопрос поводу платформ в партии. Как по Вашему мнению, руководство КПСС смотрело на эти платформы? Как на зачаток на зачаток будущей многопартийности? Это в продолжение вопроса о политической конкуренции. Или это в известной степени было возвращение к старой партийной практике, существовавшей до X съезда? А вообще эта практика получила широкое распространение во многих социал-демократических партиях, где существуют самые разные идейные платформы – от христианских до троцкистских. Все это организационно оформлено. Троцкисты совершенно спокойно существуют, например, в Лейбористской партии Великобритании.

Или же это была все-таки попытка как-то реконструировать саму КПСС. Но уже на новых основаниях?

Гуселетов Б.П.: Мне трудно будет ответить на этот вопрос. Хотя мы с Михаилом Сергеевичем очень активно сотрудничали в послесъездовский период, как-то эту тему мы с ним не обсуждали. На мой взгляд, это явление было воспринято таким интересом наблюдателей. Да, появились эти платформы. Очень хорошо, я считаю, что их не придавили. Им дали возможность развиваться. Но эти платформы просуществовали очень недолго. Они возникли где-то в 89-90 году. В «Правде» даже были опубликованы их некоторые документы. Но два года, это очень мало. Это была попытка присмотреться к тому, что они могут. Это было явно новое явление в партии. И, на мой взгляд, кто-то в партии к этому относился, не будем теперь их фамилии называть, очень негативно. Те, кто за «единство плюрализма» выступал. А кто-то смотрел на это, как на возможность понаблюдать, куда это пойдет, куда это вырулит.

Я считаю, что, конечно, отсутствие в этих платформах каких-то серьезных лидеров, на уровне, может быть ЦК, оно, на мой взгляд, сыграло негативную роль. Потому что, если бы во главе их стояли люди статусные, серьезные, то это могло бы быть более продуктивным. И для партии в целом и для сторонников этих платформ. А так, на мой взгляд, к этому явлению присматривались. Да, Михаил Сергеевич ввел представителей платформ в состав ЦК по своей квоте. Но, по-моему, до конца он все-таки к какому-то определенному выводу, о том, что с этим делать, он так и не пришел. То есть он продолжал наблюдать за тем, как платформы действуют. Единственное, что я могу по этому вопросу сказать. Я еще был членом Программной комиссии, и могу сказать, что, конечно же, проект программы, который был разработан, он был если не социал-демократическим, то вполне социалистическим. И, конечно, когда мы говорим о перспективах следующего съезда нужно понимать, что Горбачев как раз выступал за то, чтобы партия все-таки отходила от традиционной коммунистической идеологии в направлении левоцентристской организации.

Тут я могу опять вернуться к началу. Когда мы говорили про еврокоммунизм и то, что он все-таки больше ориентировался на европейских левых и поэтому, по аналогии, могу сказать, что для Горбачева было бы важно, чтобы эти платформы, особенно Демократическая платформа способствовала бы постепенному сдвигу партии в сторону левого центра. И сохраняла тем самым возможность все-таки оставаться влиятельной политической силой в новых обстоятельствах. Поэтому я считаю, что, если бы КПСС осталась нерезформированной, Горбачев бы точно проиграл. Но на мой взгляд его позиция была в том, чтобы на этом съезде, или партию разделить на прогрессивную, социал-демократическую часть и консервативную. И тогда он точно победил бы. И стал бы лидером вот этой прогрессивной части.

Рябов А.В.: Спасибо Борис Павлович. Мы прошли тур вопросов и ответов и исчерпали отведенное на это время. Еще один вопрос? Александр Валерьевич подойдите к микрофону.

Александр Валерьевич Севастьянов: У меня вопрос Борису Павловичу и Владимиру Валерьяновичу. 28-й съезд был собранием всех республиканских компартий. По сути, это было как общесоюзное собрание. Интересно, а какие занимали позиции разные республиканские делегации? То есть как этот спектр мнений был распределен по республикам? И как в республиках смотрели на процессы Перестройки? Чем отличалась позиция украинской делегации (или внутри украинской делегации) от позиции, допустим, казахской, узбекской организаций и так далее? Или делегаций Молдовы, Белоруссии? То есть был ли на этом уровне тоже плюрализм? Спасибо.

Рябов А.В.: Борис Павлович пожалуйста.

Гуселетов Б.П.: Это очень сложный вопрос. Я как ученый все-таки хотел бы в данном случае опираться на какие-то статистические данные. Но их у меня нет. Я не помню, например, каких-то ярких выступлений лидеров республиканских партийных организаций. Конечно, они выступали, но выступали в традиционном ключе. Но были и другие выступления делегатов от республиканских организаций. В этом смысле какого-то единства этих организаций не было. Могли от Молдовы выступать люди с прогрессивными взглядами. А могли и от Литвы. Делегаты от республик Прибалтики выступали, конечно, с более демократических позиций. Это было понятно. А в общем я не помню, чтобы можно было как бы определить какие-то четкие позиции республиканских парторганизаций. Хотя, конечно, традиционно республики Средней Азии придерживались общей линии их руководства. Что же касается Прибалтики или Украины или Молдовы или Закавказья, то там было, так сказать, меньше единства и, напротив, больше плюрализма. Больше реального плюрализма.

Рябов А.В.: Владимир Валерьянович, только не очень развернуто, хорошо? Нас уже регламент поджимает.

Калашников В.В.: Я фактически могу согласиться с тем, что было сказано. На съезде я не чувствовал такого четкого столкновения позиций разных республиканских организаций. А вот в ЦК уже были нюансы. Но это другая проблема.

Рябов А.В.: Уважаемые коллеги! Мы провели тур вопросов и ответов, который частично перерос в дискуссию. Сейчас у нас по регламенту 15 минутный перерыв на чай и кофе. И затем останется еще 2 часа для свободной дискуссии. Выступления всех, кто хочет, по любым сюжетам, связанным с сегодняшней проблематикой. Всем спасибо за активное участие в первой части. И пожалуйста приглашаем всех на чай. Рядом.

Из зала: Пирожки будут?

Модератор: Будут. Все есть.

ПОСЛЕ ПЕРЕРЫВА

Рябов А.В.: Первым мне хотелось бы предоставить слово Леониду Борисовичу Попову, который долгое время был переводчиком Михаила Сергеевича с итальянского, и участвовал во всех встречах Михаила Сергеевича с лидерами крупнейшей и наиболее влиятельной Коммунистической партии Западной Европы - Итальянской компартии. И которого я хотел бы попросить изложить его версию вопроса о том, почему Михаил Сергеевич все-таки склонялся в сторону социал-демократии, а еврокоммунизм, который активно продвигала Итальянская компартия, его как-то не очень затронул. Пожалуйста Леонид Борисович.

Леонид Борисович Попов: Если позволите, я бы хотел начать с небольшой шутки, поскольку в конце утреннего заседания ставился вопрос о молодежи. А начинаем мы разговор с истории Итальянской коммунистической партии. Я приведу такой необычный пример о том, как надо проводить работу с молодежью. Где-то в конце 60-х – и в течение 70-х годов в провинции Римини в Италии - большинство там жили на море – резко, причем в разы, возросло количество молодых людей в возрасте от 17 до 25 лет, которые записались в Федерацию коммунистической молодежи в Италии. И поскольку я со многими общался.

мне рассказали, что они открыли при обкоме партии или при Федерации коммунистической молодежи курсы немецкого языка. И вот почти все молодые люди пошли на курсы немецкого языка, а потом вступили в комсомол. А когда им исполнилось по 18 лет, почти все они вступили в Компартию. Вопрос: почему открыли курсы немецкого именно языка? Да потому, что, начиная примерно с 65-го года, в Римини поехали сотни тысяч немецких туристов из ФРГ. Причем больше половины этих туристов были молодые женщины возрасте от 16 до 25 лет. И итальянские ребята мне говорили: «Я же пойду с ней на танцы. А как я с ней буду разговаривать?». И люди выучили немецкий язык. А потом вступили в компартию. Вот как работали с молодежью.

Теперь несколько слов о том, почему и как Михаил Сергеевич, ну скажем так, не особо тепло относился к еврокоммунизму. Вопрос этот абсолютно легко решаемый. Потому что еврокоммунизм просуществовал примерно с 75-го по 84-й - 85-й годы. И закончился он со смертью товарища Берлингуэра, который умер в июне 84-го года; с отставкой товарища Карильо где-то летом 85-го года; и потом с отставкой товарища Марше где-то в конце 80-х годов. Но я от себя добавлю, что, поскольку главным теоретиком еврокоммунизма был Берлингуэр, хотя основная работа по этой теме - это книга Карильо «Еврокоммунизм и государство», но все-таки основные политические, политическая доктрина была разработана Берлингуэром. А Марше был по преимуществу трибуном, человеком, который великолепно произносил речи. Но писать теоретические работы он не мог. За него писали другие. Поскольку я всех троих знал, я вам честно все это рассказываю.

А теперь несколько слов о еврокоммунизме. Не буду долго говорить, поскольку у меня есть большая работа про еврокоммунизм. И для сегодняшней конференции я из нее сделал примерно четыре странички.

Во второй половине XX века компартии в развитых капиталистических странах исходили из перспективы социалистического переустройства общества с использованием относительно мирных, демократических средств политической борьбы. Такая возможность обуславливалась целым рядом новых факторов международной обстановки. Характерной особенностью для мировой системы в послевоенные 30 лет, то есть с 45-го по 75-й год было фактическое равновесие сил между капиталистическими и социалистическими странами. Международное положение того периода исключало вооруженные формы революционного процесса в развитых капиталистических странах, а также ставило по-иному вопрос о соотношении мирного и не мирного путей и форм обретения власти левыми силами. Еще Тольятти в начале 50-х годов отмечал, что с появлением атомного оружия характер классовой борьбы меняется. Это означало, что борьба политических сил, выражавших и защищавших интересы трудящихся, против монополистического капитала могла осуществляться только мирным путем. Вопрос о том, как и почему, антимонополистические силы после событий 80-х - начала 90-х годов сдали свои позиции, стоит отдельно и требует многотомного анализа. В послевоенные годы в развитых капиталистических странах четко обозначился ряд новых, принципиально важных особенностей и факторов развития. К некоторым из них можно отнести сравнительно быстрый рост экономики, сравнимый с темпами роста социалистических стран, слабость циклических колебаний, при которых кризис выражался преимущественно в замедлении темпов роста. Произошло существенное повышение жизненного уровня наемных, трудящихся и мелких производителей, общее улучшение их положения. Я говорю и повторяю, что имеется в виду Западная Европа. В итоге развитие капитализма в Западной Европе привело к необратимым изменениям в экономической и социальной структуре развитых капиталистических стран. В чем суть изменений в социальной основе? - В классовом составе населения развитых капиталистических стран. В 60-е - 70-е годы XX века произошел резкий сдвиг, выразившийся в увеличении удельного веса работающих по найму. Доля их повысилась с 50%-70% населения до 75%-90%. В конце 70-х годов, однако, пролетариями осознавали себя не более 20%-22% населения, и то не во всех капиталистических странах. Эти процессы, в свою очередь, требовали от политических

партий, новых подходов, выработки новых позиций, которые учитывали бы изменения, происходящие как на национальном уровне, так и на уровне Европейских сообществ. Достаточно сказать, что к началу 70-х годов XX века в таких странах, как Франция и Италия, доля самодельного населения, занятого в третичном секторе экономики, достигла 49%. Это был серьезный сигнал для партий, представляющих интересы трудящихся. В этой связи хотелось бы напомнить, как оценивали соотношение демократических и социалистических преобразований классики марксизма. Излагая известное письмо Энгельса Каутскому, Ленин, в частности, писал, что, если что и не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут прийти к власти и господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Она является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже Великая французская революция. И Ленин продолжает: Энгельс отчетливо повторяет в письме ту основную идею, которая красной нитью тянется через все произведения Маркса. А именно, что демократическая республика есть ближайший подход к диктатуре пролетариата. И для анализа социально-экономической ситуации в странах западной Европы в 60-е - 70-е годы XX века исключительно важно замечание Ленина о том, что форма угнетения для пролетариата не безразлична. Более широкая, более открытая форма классовой борьбы, классового угнетения дает пролетариату гигантское облегчение в борьбе за уничтожение классов вообще. Так вот, разработка линии еврокоммунизма лидерами трех компартий – Итальянской - Берлингуэром, Компартия Испании - Карильо и Французской - Жоржем Марше была попыткой, именно попыткой ничем более, проанализировать новые явления в политике в экономической и социальной структуре большинства стран Западной Европы, проанализировать воздействие интеграционных процессов на положение дел на континенте, попыткой, наконец, понять настроение масс в новых условиях. Серьезное осмысление как международной так и внутренней национальной ситуации привело в начале 70-х годов руководителей этих трех партий к логическому выводу о том, что в новых исторических условиях, в новых, изменившихся даже по сравнению с концом 60-х годов условиях политического и экономического развития Европы в целом, стало настоятельно необходимо разработать новую линию деятельности партий, линию, которая, с одной стороны, учитывала бы национальные особенности каждой страны, но одновременно была бы спроецирована на западноевропейское пространство в целом. И общим знаменателем при разработке новой линии лидерами трех компартий стало признание универсального значения демократии. А оно, в свою очередь означало окончательное отрицание любых, кроме мирных, парламентских методов борьбы за власть или за участие в системе власти как раз в силу возникновения новых, как международных, западноевропейских, так и, собственно говоря, национальных, условий.

Если проанализировать еврокоммунизм как какую-то новую теорию, возникшую в рамках развития социалистической идеи, то комплексной, многосторонней единой доктрины не получается. Авторам не удалось соединить отдельные положения в более или менее стройную концепцию, четко поставить цели и задачи новой доктрины. Образно говоря, три компартии стремились создать в Западной Европе своего рода еврокоммунистическое поле. Именно поле, а не полюс. Вот я прошу обратить внимание, что полюса не было вообще. Но по целому ряду и международных причин и причин внутривнутриполитического характера в каждой из трех стран попытки создания такого поля постепенно сходили и сошли на нет. Более того, сама постановка вопроса о постепенном мирном переходе к социализму как бы размывала цели и задачи еврокоммунистического третьего пути. Я позволю себе привести несколько цитат из книги Сантьяго Карильо «Еврокоммунизм из государство». Вот что пишет Карильо: «Для реализации... преобразований в социалистическом направлении в Западной Европе необходимым условием является независимость коммунистических партий от советского государства, конкретно от КПСС, и от других социалистических стран. Абсолютно бесспорным является

определение теории и практики этого пути, то есть еврокоммунистического пути, как демократического. Система политических и социальных сил... в Европе не может быть преобразована насильственным путем». Это все пишет Карильо. «Новая система соотношений сил, пока еще в рамках капиталистического строя, может быть создана и стимулирована путем укрепления просоциалистических позиций в социалистических и социал-демократических партиях, в прогрессивных течениях католического направления». Заметим в скобках, что уже к середине 80-х годов политическое влияние и Итальянской, и Испанской, и Французской компартии в своих странах значительно сократилось. Монополистический капитал нашел новые, более изощренные методы борьбы, которые позволяли ему воздействовать на менталитет и пролетария, и мелкого хозяйчика. В своих размышлениях об экономической программе еврокоммунизма, или, можно сказать, третьего пути, Карильо прямо признает, что экономическая программа была разработана в общих чертах. Более или менее ясной была только концепция смешанной экономики, необходимости преобладания государственного сектора экономики, а также сохранения частного и кооперативного секторов, и некоторое указание на необходимости рационального планирования.

Иными словами, экономическая программа еврокоммунизма соответствовала сохранению системы государственного капитализма при сохранении практики государства благосостояния. Заметим, что, как показала практика 80-х и 90-х годов XX века, корабль государственного капитализма крайне редко поворачивает курс влево, в сторону интересов трудящихся, не говоря уже о возможности поворота руля в сторону социалистических преобразований. И, заканчивая краткое изложение идей Карильо, хочу напомнить и о его признании в том, что еврокоммунизм не являлся организацией, не имел никаких организационных форм. Это был скорее проект трех реалистов, а Берлингуэр, Карильо и Марше были большими политическими реалистами, которые, видимо, хотели построить город будущего, забежав на много десятилетий, а, может быть, и на столетия вперед. Спасибо.

Рябов А.В.: Спасибо, Леонид Борисович Я думаю, что Вы дали исчерпывающий и убедительный ответ, почему уже к 90-му году, к моменту проведения 28-го съезда, конечно, тематика еврокоммунизма была неактуальной. Да, пожалуйста.

Александр Петрович Аулов: Пользуясь случаем, хочу задать вопрос. Александр Петрович Аулов, кандидат философских наук, в данный момент является профессором кафедры зарубежного регионоведения Университета мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского. Вот мне просто интересно, поскольку в свое время я был воодушевлен этими идеями, как и многие, в 70-е - 80-е годы. Жаль, что тогда такого специалиста не встретил. Я больше Францией занимался, а Франция – это бледненький такой, жиденький еврокоммунизм да, и Вальдек Роше и Жорж Марше были не того масштаба лидерами. А вот Италия да, это понятно, это и Грамши, и Берлингуэр, которого Вы называли, его прекрасно знали все наши и аппаратчики, да, и идеологи, потому что в закрытом режиме все эти книги переводились, тогда они были только в ИНИОН. И кто туда доступ имел, только они и могли ознакомиться. «Еврокоммунизм» вроде бы красиво звучит, так сказать, что-то среднее еще между коммунистами и социал-демократами. И в товарном виде прекрасно это смотрится, читаются и книги, написанные в русле марксизма. Осталось ли хоть что-то от них? Второй вопрос отсюда же. Вот Италию, если взять. Где там еврокоммунисты? Там Компартия была могучая. С трудом удавалось при помощи ЦРУ не допускать их к власти. Экс-премьера Альдо Моро убили за то, что он поддержал идею «исторического компромисса» с коммунистами. То есть мощь была, во Франции тоже партия сильная была. И где они теперь? Покажите их! Говорят, где-то там с компьютерами в Евросоюзе клерками сидят, да? Даже Магерини, говорят, была бывшей коммунисткой.

Бывший президент Наполитано тоже коммунист. Что-то от коммунистов, от еврокоммунистов осталось? У нас КПРФ, слава богу, на этом фоне есть. А тут что есть? с

Попов Л.Б.: Расскажу. Во-первых, полностью согласен с вашим замечанием о том, что у Марше был бледный еврокоммунизм. Более того, я люблю иногда шуточные истории рассказывать. Мне приходилось работать и с Марше и с Берлингуэром, и с Карильо. Так вот, допустим Марше. После ужина а нам, переводчикам приходилось работать и до 12 ночи, Берлингуэр достает из своего портфеля, не буду утверждать, что обязательно Маркса или Энгельса, но какую-нибудь книгу по философии и говорит своим: «Я пошёл в библиотеку и буду читать. Меня не трогать!». А Марше идёт в бильярдную и играет с охраной бильярд. А Карелия скажите, пожалуйста. С Карильо я очень мало работал. В основном был, присутствовал на его встречах с участием и Долорес Ибаррури. Там речь шла об истории, они рыдали оба. И я переводил с итальянского. Это книжка «Еврокоммунизм государство» мною переведена с итальянского языка, потому что я испанского не знаю. Теперь насчет Итальянской коммунистической партии. Итальянская компартия достигла пика своей формы в 1976 году. Это я абсолютно точно могу сказать. Когда на итальянских парламентских выборах партия получила 34,4%. А христианские демократы 38,4%. И если бы итальянские социалисты, которые к тому времени уже резко повернули направо, а они получили то ли 10, то ли 11%, я сейчас не помню, и, если бы им вместе с коммунистами удалось сформировать левое правительство, и, может быть, социал-демократы с их 4 процентами туда вошли бы, то это создало бы новую ситуацию в стране. Но тут вмешался господин Киссинджер, который сказал, что Америке не понравится, если коммунисты в Италии войдут в правительство. Это было прямое его заявление, хотя Киссинджер считался очень мягким человеком, он не дрался никогда в жизни, но тем не менее вот такое заявление было им сделано. И я всем напомню, кто не помнит, что через несколько лет если точно, то в мае 78-го года был убит лидер христианских демократов Альдо Мора, который был лидером левого крыла этой партии. И существовала гипотетическая, подчеркну, гипотетическая вероятность, что если Альдо Мора и Энрико Берлингуэр договорятся, и премьер-министром станет Джулио Андреотти - был такой великий итальянский иезуит, которого воспитывали монахи-иезуиты, гениальный человек совершенно, то теоретически могло бы быть создано правительство во главе с Андреотти, но в которое вошли бы левые христианские демократы, правые коммунисты, если позволите мне такое выражение, и социалисты. Но Альдо Мора убили, никакие его не коммунисты убили, его убили левацкие «красные бригады», которых финансировала ЦРУ через Германию.

Это, в общем, кому надо, тем известно. После чего влияние Компартии пошло на спад, хотя на европейских парламентских выборах 84-го года партия получила 33,3% голосов, но в некоторой степени это произошло уже на эмоциональном всплеске, потому что 11 июня умер Берлингуэр и, по мнению экспертов, итальянских политологов, где-то Компартия дополнительно получила 5-6 процентов, благодаря эмоциональной реакции народа на смерть лидера коммунистов. А потом было 29, 28, 27, 26 процентов, иными словами, пошло снижение. И где-то в конце 80-х годов в Компартии очень большое развитие, мощное развитие получило течение за трансформацию партии. Возглавил его Генеральный секретарь партии, который, кстати, жив-здоров, он 36-го года рождения, значит, ему 89 лет, и его зовут Акилле Окетто. Он и возглавил движение за трансформацию партии.

Произошло несколько больших внутривнутрипартийных дискуссий. И накануне съезда, который был созван в феврале 91-го года, накануне съезда вырисовалась такая картина, что за проект резолюции Окетто, то есть за трансформацию партии, голосует, у них не было еще праймерис, но были опросы общественного мнения, проголосовало бы порядка 65-68 процентов. За другую резолюцию, тоже нацеленную на реформу партии, там были сторонники сохранения Италии в НАТО, проголосовало бы 30%. И оставшиеся где-то 4%

тоже представили резолюцию. Из ее сторонников потом сформировалось 3 коммунистических партии, понимаете. И вот на съезде, кстати, это был 20-й съезд Итальянской компартии, она преобразовалась в Демократическую партию левых сил. Ну и соответствующая резолюция была принята большинством, то есть где-то порядка 70% делегатов, то есть из числа сторонников НАТО несколько десятков человек. тоже перешли в основную группу. И в результате была создана Демократическая партия левых сил, которая, по сути дела, перешла на даже не лево-социалистические я бы сказал, на лево-социал-демократические позиции, то есть стала левой социал-демократической партией.

Рябов А.В.: Леонид Борисович, Ваш регламент истекает.

Попов Л.Б.: Заканчиваю. Итак, было создано 3 компартии, в результате того, что 3 товарища не очень ладили друг с другой. Одна называлась Партия коммунистического возрождения, вторая называлась Итальянская коммунистическая партия, а третья Коммунистическая партия Италии. Все они вместе, в каждой было по 6-7 тысяч человек, и все вместе они получили на очередных выборах 3% голосов. Вот всё.

Рябов А.В. : Спасибо большое за подробный исторический экскурс. По крайней мере, мы теперь чётко знаем, что уже к 1990 году никакой еврокоммунистической альтернативы для КПСС не существовало. И дело тут не в личных вкусах и пристрастиях Михаила Сергеевича, а в объективном положении вещей к тому времени, в объективной ситуации, которая сложилась в европейском коммунистическом движении. Пожалуйста, дальше кто хотел бы выступить на тему, связанную с 28-м съездом, с теми вопросами, которые были сформулированы, или с какими-то другими вопросами, которые сочтёте важными? Или отреагировать на ту дискуссию, которая у нас прошла в первой части нашего обсуждения? Пожалуйста.

Ольга Михайловна Здравомыслова: Я хотела бы выйти за пределы темы 28-го съезда, хотя то, что было рассказано здесь о съезде, было чрезвычайно интересным. Но постоянно возникало ощущение, что всё происходившее на съезде происходило уже с опозданием, что, если бы что-то подобное в той системе избрания делегатов на съезд, тем идеям, которые на съезде обсуждались, если бы что-то подобное произошло на 20, может быть, даже 30 лет раньше, чем в 1990 году, это могло бы действительно иметь историческое значение для судеб и Компартии, и нашей страны. И в этой связи вспоминаются идеи, которые самыми разными людьми, как ни странно, такими людьми, как Берия, Молотов высказывались в середине 50-х годов. Это идеи четкого разделения функций государства и Коммунистической партии и перехода Коммунистической партии на позицию своего рода идейно-политического форума. Тогда слово это не употреблялось, но идейно-политической силы, которая занималась бы обсуждением и разработкой основных направлений жизни общества. Берия об этом говорил, и, может быть, и у Хрущёва что-то такое мелькало, но никогда этого всего не удавалось. И это всё действительно закрылось при Брежнев, а вот перед Горбачёвым в 1990 году, именно в 1990 году, этот вопрос стал впрямую.

Дело в том, что мне пришлось заниматься, и я и продолжаю это делать, социал-демократическим проектом Горбачёва в рамках нашего большого проекта «Хроники жизни и деятельности Горбачёва». И там совершенно понятно, когда я стала читать сейчас эти материалы, что в 1990 году, уже в начале 1990 года, когда Михаил Сергеевич отметил, что партия потеряла, или теряет, конечно, теряет свои командные позиции, и одновременно она продолжает оказывать мощное влияние на все события в стране. И это вот такой страшный парадокс, и что с этим делать? И чем дальше, тем больше, даже когда я слушала, непосредственных участников тех событий, из этого явно следует, что Михаил Сергеевич всё больше понимал, что здесь есть какие-то абсолютно тупиковые ситуации, которые

связаны даже с психологией, характерами особенностями очень сильных фигур, которые были внутри власти в это время, стояли во главе партии в том числе.

И что с этим делать, в общем, было непонятно. Это Ельцину было легко превратить себя, так сказать, в символ противодействия этому болоту, которое в партии создалось. Он мог себе позволить такой красивый или отвратительный (это кому как) жест на съезде. Но Горбачёв не мог этого сделать ни при каких условиях, это было совершенно понятно. Хотя он понимал, что есть то, что можно назвать словом «болото». И вот тут столкнулись все эти силы, как в истории бывает, когда она разыгрывает такую прямо-таки шекспировскую сцену, когда всё идёт, в общем, к трагедии на самом деле, потому что риск огромный. Когда читаешь выступления Горбачёва того периода, при том, что он обладал огромным запасом оптимизма и позитива, у него просто в натуре это было, но и он в то же время всё время говорит о крайнем риске, в котором всё находится.

Иногда он говорит об этом просто почти с отчаянием, если читать эти тексты. И, кстати, уже на пленуме в марте 90-го года Горбачев говорил о том, я буквально цитирую его, что партия должна вернуться к своему политическому предназначению. И объясняет это ещё и тем, что в стране появляются новые партии, и она должна занять какую-то свою нишу, даже совсем другую. Вот я хочу тут обратиться к Борису Гуселетову, который сказал, что нужно было выстроить механизм политической конкуренции, да, чтобы перейти к следующему этапу реформ. Но, собственно, Горбачёв и пытался это сделать, пытался, безусловно. Но одну вещь мы упускаем пока из виду. Об этом я, по крайней мере, здесь не слышала. Он одновременно двигался в сторону социал-демократизации и идеологии, и политики. И, конечно, его план реформирования партии был связан с её социал-демократизацией. Уже в 90-м году у него закончились иллюзии по поводу еврокоммунизма, а тем более советского коммунизма. Социал-демократизация виделось ему выходом из этой ситуации. Но, знаете, чем больше читаешь это и слушаешь, тем больше понимаешь, какой грандиозный поворот предполагал бы этот проект социал-демократизации. Но Михаил Сергеевич на это шёл. И он шёл на это всё более сознательно И очень последовательно. И его ближайшие соратники, которые потом работали в фонде, они это всегда подтверждали. И я хочу даже привести цитату из статьи недавно, к сожалению, ушедшего от нас Александра Борисовича Вебера. Он был специалистом по международной социал-демократии. И у него есть очень хорошая книга, изданная когда-то фондом «Прорыв к свободе». И вот он писал по поводу 28-го съезда о программе, которая на нем выдвигалась. Он писал, что это была программа уже другой партии, скорее социал-демократической. У нее было демократическое содержание. Дело шло к организационному размежеванию, в результате которого из реформаторского течения в КПСС могла бы возникнуть массовая партия на платформе демократического социализма.

Стало бы возможным и ее присоединение к Социнтерну. Разумеется, здесь можно вспомнить пресловутую фразу, что история не знает сослагательного наклонения. Но я лично, прочитав разные материалы и подумав над ними, могу сказать, что это очень такая фундированная гипотеза. И процесс реформирования КПСС шел именно в этом направлении. Другое дело, что человеческий, так сказать, материал КПСС до этого не дотягивал. При всем том, что там были люди, я вовсе не хочу их назвать какими-то недоумками, там, не дай бог, или кем-то другим, каждый из них был со своей судьбой, со своим огромным опытом политическим, своим видением общественных процессов, но они этого не понимали, даже как перспективу. Это было понятно каким-то очень немногим людям и, возможно, даже не находящимся, так сказать, на вершине власти. Но и в интеллигенции этого тоже не понимали. Социал-демократия, как и вообще левая идея была в СССР на самом деле глубоко скомпрометированной. Сначала растоптана известным нашим диктатором, а потом скомпрометирована. И поэтому это был, конечно же, проект абсолютно героический, но с огромным риском провала. Но это не значит, что это была чистая иллюзия, мечта или что-то в том же роде. Я думаю, что это был действительно путь,

выход России на какой-то другой исторический уровень, который ей необходим, в том числе и политический. У меня все. Спасибо.

Рябов А.В.: Спасибо, Ольга Михайловна.

Гуселетов Б.П.: Я бы хотел очень коротко прокомментировать то, что Ольга Михайловна сказала. Практически во всем соглашаясь с ней, я бы заменил, может быть, только последнюю фразу о том, что шел процесс реформирования КПСС и Горбачев пытался реформировать КПСС. Это немножко разные, так сказать, моменты, но очень принципиальные. А вот что касается идеи социал-демократии реформирования, тут все было сказано правильно. Но на самом деле, тут были определенные нюансы. Например, даже я, когда я выступал на пленумах, то никогда не говорил о социал-демократии. Я говорил о том, что КПСС стремится стать социалистической партией. И это было гораздо более мягким вариантом, на мой взгляд, который подразумевал переход на социал-демократические рельсы, но в то же время не вызывал бы в обществе негативной реакции, потому что как раз в советском обществе социализм и коммунизм были достаточно приемлемыми символами. Поэтому я и говорю все время, что на самом деле попытка реформировать разделить КПСС, это и было наиболее прагматичной и реальной моделью сохранения и Советского Союза, и общества, потому что мы бы тогда естественным образом создавали две политические организации, конкурирующие друг с другом и при не сильно отличающиеся в идеологическом плане.

А то, что мы получили с приходом Ельцина, когда, строго говоря, весь левый фланг был сметен, и вместе с коммунистами ушли социалисты и социал-демократы, и доминировали так называемые оголтелые либералы, по существу сменившие КПСС, в роли силы, монопольно контролирующей политическое пространство, но с совершенно другой идеологической подоплекой. Вот это и произошло, и мы должны это понимать, что на самом деле то, за что мы выступали, это было бы наиболее мягким и наиболее прагматичным вариантом выхода из сложившейся ситуации. Возродится ли когда-нибудь КПСС. В каком смысле? В смысле идеологическом, она тут много раз возродилась. В смысле партии, которая будет единственной в стране, но это, наверное, произойдет только тогда, реально и естественно, когда у нас появится общество, где не будет никакого разделения на классы и группы, но этого пока нет и не предвидится. А Советский Союз уже тогда в 90-е годы показывал, что есть люди богатые и бедные, социалисты, коммунисты либералы, националисты и так далее, поэтому держать их в одной узде, это было противоестественно, это было неправильно, это было контрпродуктивно. И в конце концов наиболее сильная часть, которая выскочила из этого, та, что шла за Ельциным, и националисты, которые шли за республиканцами, они, собственно говоря, систему и развалили.

А мы предлагали, как Ольга Михайловна правильно говорит, мягкую реформу мягкую трансформацию, которая бы соответствовала социальной структуре общества, которая бы соответствовала настроениям, которые были в обществе. Люди хотели реформы КПСС, люди хотели реформы Советского Союза, но мягких, которые бы сохраняли то позитивное, что было. И в то же время позволяло бы обществу, перейдя на социально ориентированную рыночную экономику, сделать на самом деле прорыв и двигаться в том направлении, в котором в то время двигались большинство стран мира, которые позволяли создавать в этих обществах нормальные условия существования, отсутствие дефицита первых наиболее важных продуктов питания и предметов первой необходимости, что было в Советском Союзе, хотя Геннадий Андреевич нас уверяет, что этого не было, но мы все помним, что все это было, и что, наверное, не было, так сказать, преимуществом СССР, а было его недостатком. И как раз попытка реформы и направлена была на то, чтобы, сохранив бесплатное образование, высокий уровень медицины и так далее, уменьшить или убрать негативные последствия советской модели, экономической в первую очередь.

Рябов А.В.: Спасибо, Борис Павлович. А сейчас мы предоставляем слово Алексею Николаевичу Бойко, народному депутату СССР, тоже участнику тех событий.

Алексей Николаевич Бойко: Уважаемые коллеги я хочу немножко вернуться к этому документу, где были поставлены вопросы к обсуждению, и ответить хотя бы на некоторые из них. И с учетом состоявшегося обсуждения буду касаться некоторых исторических моментов и в экономике, естественно, и так далее. Потому что политика понятно, это есть концентрированное выражение экономики и без анализа экономики мы не можем понять, а что же там происходит в политике и, соответственно, в единственной политической силе, будем говорить, главной силе, которой являлась КПСС. Прежде всего, совершенно очевидно, еще со времен революции, гражданской войны, Второй мировой войны, конечно, нужно было что? Жестко централизованное управление экономикой, соответственно и политикой, и структуры политические выстраивать в соответствии с потребностями экономики. Поэтому и КПСС была вот такой жесткой и единственной управляющей руководящей силой. Это все понятно. Но я напомним, что уже с конца 50-х годов среди экономистов и в мире, и в СССР уже шли очень бурные дебаты о том, что нужно соединять план с рынком.

Когда здесь говорят о переходе на рынок и рыночную экономику строго говоря, неправильно. Не на рыночную экономику. Среди прогрессивных экономистов США и мира есть масса экономистов и Пол Самуэльсон, и Василий Леонтьев, и другие, которые всегда выступали за смешанную экономику, а это уже означает наличие госсектора и планового управления госсектором. То есть, так или иначе, на Западе также признавали важность поисков форм, соединяющих план и рынок, потому что уже давным-давно доказано, что существует множество сфер в экономике, которые обязательно требуют планового централизованного управления. И сегодня это особенно очевидно. Я не буду на этих деталях останавливаться. Я только напомним, что эти дебаты уже начались в СССР в 60-е годы. И самое интересное, что Пленум ЦК КПСС 1965 года, это восьмая пятилетка, принял курс на внедрение хозрасчета. А хозрасчет в госсекторе предполагал, что там были и фонд развития, и фонд материального поощрения, где коллективы могли с учетом результатов труда не просто выплачивать в централизованном порядке зарплату, но могли сами себя поощрять.

И эта пятилетка, кстати, была очень эффективной по темпам роста, но это я не сравню, конечно, с сегодняшним днем. Это был семипроцентный рост валового внутреннего продукта. Руководил Алексей Николаевич Косыгин, но, к сожалению, потом к концу 60-х у него со здоровьем были проблемы. Но это не нравилось Брежневу, и его убрали, посадили на его место некоего Тихонова, которому было 80 лет, и он уже там буквально спал на заседаниях. И, короче, эту реформу, что называется, прикрыли. А ведь, если бы это все имело продолжение! И поэтому потом мы говорим о застойном времени, со временем дела в стране шли хуже и хуже. Это проявилось в экономике, и в партии, в настроениях в обществе, и так далее. И лишь при Горбачеве началось это, будем говорить, реальное возрождение.

Ну и стоит вопрос, могла ли КПСС стать решающей силой в соответствии с условиями 90-го года? Думается, нет, потому что за много лет централизованная схема управления настолько укоренилась, что быстро перестроить ее было просто невозможно. Поэтому и пошел внутренний раскол. Это, во-первых. Во-вторых, потому что практически реальная власть от партии уже переходила в руки правительства и структур президента. Значит, партия из огромной управленческой структуры должна была стать всего лишь партией, то есть вырабатывать политические установки, программы. Я, кстати, почитал политический отчет, доклад Горбачева на съезде, и он там прямо говорит и совершенно правильно, что партия должна превратиться не в управляющую решающую силу, а в авангардную силу. То есть, стать чисто политическим органом. Он говорит и о

многопартийности, что она должна быть, чтобы конкурирующие структуры разрабатывали идеи, программы развития, а власть уже дальше, она принимает ту или иную программу и, если она будет одобрена, соответственно, ее потом реализует. Поэтому вопрос стоял серьезно о внутреннем серьезном переустройстве КПСС, и в теоретическом, и в практическом плане. Надо было осознать, что она теперь не ядро политической системы и никакая не управляющая сила. И мы видим, что это далеко не все осознали, и понять можно, почему многие это не осознали, и почему съезд сумбурно и прошел. Да, он иначе, наверное, и не мог пройти. Нет не будем говорить, о еврокоммунизме, он у нас вообще не проходным был, потому что эта теоретическая разработка была мертворожденной, она не могла быть реализованной.

О социал-демократии: да, конечно, тема фактически начала обсуждаться раньше, в конце 60-х – 70-е годы. Был такой чехословацкий экономист Отто Шик, мы его именовали ревизионистом, вот он написал работу, как соединить рынок с планом. Даже, я помню его поддержал и выступал, будучи уже кандидатом наук, так на меня такие удары сверху посыпались, и товарищи из Института экономики Академии наук критиковали, в общем, до серьезных схваток доходило. А он, оказалось, был прав. Этот вопрос остался актуальным и в новой России. Когда исходили из того, что переход к рынку, где никакого планирования нет, где полностью доминирует рынок, всплыла вся грязь и поэтому мы получили то, что получили. И только теперь, в нулевые годы и дальше стали принцип соединения рынка и плана и развитие госсектора создали госкорпорации, вот Росатом, например, прекрасно развивается госкорпорация Росатом.

Хотя Медведев, будучи президентом был против госкорпораций а теперь они, видите, активно развиваются, Ростех, Росатом особенно, я уже сказал. Показывает хорошие результаты. Все они развиваются на плановой основе то есть, здесь есть соединение плана с рынком. Это лучшее, чего достигла теория экономическая и у нас, и на Западе. Лучшее, чем какой-то там коммунизм или еще что-то, чего нету в реальности. Поэтому, возвращаясь к вопросу, что могло быть вместо КПСС, то оно должно было всего лишь осознать что времена изменились, и никакая тут единая централизованная политическая сила уже не нужна, а нужны конкурирующие структуры. Это надо было осознать, надо было дать дорогу многопартийности и все прочее развивать в этом плане. Ну, а то, что она не смогла до конца свою роль выполнить, вот особенно, я бы сказал, еще прискорбно то, что мы на прошлой конференции обсуждали, когда дело дошло до ГКЧП, да, и сегодня кстати, партия в стороне оказалась. Поэтому КПСС, к сожалению, на ее, будем говорить, финише проявила себя вот здесь совсем плохо. Она как бы вольно или невольно самоустранилась от каких-либо решений, даже в части принятия принципиальных позиций. Спасибо.

Рябов А.В.: Спасибо, Алексей Николаевич. Если есть вопросы или кто-нибудь хочет выступить? Так, Юрий Витальевич? Пожалуйста, к микрофону!

Юрий Витальевич Блохин: Юрий Витальевич Блохин. Народный депутат СССР, руководитель депутатской группы «Союз» в то время.

Коллеги я хочу сказать, что я коммунистом стал буквально в 85-м году и даже недолго был, потому что меня стали исключать вдруг, когда я стал выступать против, я сам в республике Молдавии был тогда. Вдруг я стал выступать против народных фронтов, которые появились и стали выступать за отделение от СССР под лозунгами: «Сколько можно кормить Россию», «Чемодан-вокзал Россия», «Окупанты». Я не мог это терпеть, естественно. И я здесь, в Лужниках, выступал по этому поводу. А наш представитель, узнав, что я там, на партсобрании в нашем институте, он выступил и сказал: «Надо его исключать из партии!» Поэтому к 28-му съезду партии я отношения не имел никакого, честно скажу. Но как экономист и как занимавшийся прогнозированием, планированием развития экономики республики в то время, я видел проблемы. А меня тогда стали критиковать, что я не так прогнозирую, что не та голова какая должна быть у местных кадров. Хотя я

защищал в Москве у Байбакова в Госплане Союза планы развития республики и в разработке общей схемы развития размещения производительных сил СССР успешно участвовал.

В СОПСе при госплане СССР на Вавилово, вы знаете тоже, наверное, эту организацию., там я кандидатскую защитил. Но что я хочу сказать? Если говорить о КПСС, которая не принимала никаких действий в республике, чтобы устранить эти национальные движения, которые пошли против существующего порядка, то могу лишь сказать, что не было никакой реакции на наши обращения. Понимаете? Вот что это такое было? Как это было понимать? С одной стороны, у меня иногда мысль приходит, неужели неправильно большевики поступили, создав республики после революции и приняв Декларацию о образовании союзного государства? Это же ведь стало в будущем мотивом для развала страны. Да, мы страна единая сильная была. А после того, как мы не справились с этими проблемами политическими, у нас страна развалилась, мы потеряли 150 тысяч предприятий разного вида по всей территории Союза.

Россия потеряла 50% промышленного потенциала. Как это понимать? Это что? Итоги нашего демократического развития получилось вот такими. Вот сейчас Россия поднялась к уровню прошлого 90-го года по ВВП. Хотя радуемся, что по покупательной способности мы занимаем четвертое место в мире. А по ВВП нет. Куда мы пришли с развалом политическим? В духовной сфере ушли. В социальной сфере тоже. У нас платная медицина образование, отдых и так далее полностью. Мы сбросили то, что было хорошо в прошлое время. Что можно было лучше делать по сравнению с тем, что было и в наше современное время. Если бы мы не разваливались, таких бы не было проблем.

Хочешь не хочешь, нам приходится думать, а как дальше быть. А дальше быть надо действительно концентрировать органы управления. Без этого нельзя. Я согласен с тем, что сказал Бойко. Планирование должно быть, начинать с этого. Четко разобраться, что должно быть в частной собственности, что в государственной. Это не просто, как Гайдар заявлял, что рынок все отрегулирует. Не отрегулирует он. В результате мы имеем то, что имеем. Топчемся на месте практически. Поэтому очень хотелось бы, чтобы жизненный опыт, который показал, что во времена Перестройки мы не все сделали правильно, понадеялись на многое, был бы учтен. Поэтому надо сейчас принимать меры, которые позволят нашему государству все-таки подняться и стать действительно одной из ведущих сил в мире. А мы в 90-е годы просто мироустройство поломали полностью. То, что было после Великой Отечественной войны. И пришли к мироустройству, в котором глобальным лидером стали Соединенные Штаты Америки. А мы опустились, как говорил предыдущий американский президент, Обама, до уровня региональной державы. Поэтому у нас есть над чем думать и как делать, чтобы подняться полностью и выработать позицию, которая позволяет действительно сохранять и развивать наше отечество. Спасибо.

Рябов А.В.: Андрей Евгеньевич, вам предстоит завершать наш сегодняшний...

Андрей Евгеньевич Себенцов: Я начну издали. Тут только что прозвучали некоторые слова о Соединённых Штатах Америки. Так вот, Никита Сергеевич когда-то был в гостях в США, и во время одного из своих выступлений он сказал, что у нас в Советском Союзе, вся экономика замечательная, социалистическая, никаких финансовых спекуляций мы у себя не допускаем. И тут ему из зала говорят, что вот у вас несколько дней назад в газетах был материал, что такой-то гражданин купил доллары, и в конце концов колоссально обогатился в масштабах того времени. Естественно, что такой удар вызвал особый гнев нашего руководителя. Когда он вернулся в Москву, то потребовал, чтобы ему представили немедленно все материалы, включая Генерального прокурора. Сказал, что надо расстрелять нарушителя, но оказалось, что расстрелять по закону было нельзя. И в этот момент возникла дилемма, что важнее, закон или партия. Естественно, Никита Сергеевич решил, что партия важнее. И эта установка будет существовать и дальше. Приведу и вперед

другой случай, который произошел гораздо ближе к нам. Однажды я прочитал в «Аргументах и фактах» выступления Егора Кузьмича, где он говорит, что у нас было 26 сахарных заводов а сейчас осталось 23, и куда партия смотрит? Это к тому, что партия ни в коем случае не должна заниматься сахарными заводами. Есть еще одна проблема. Любые реформы – экономические, политические, социальные, не могут проводиться раздельно; они должны осуществляться вместе с тем, чтобы не происходило разрыва между политической и экономической составляющими. А мы, время от времени, наступаем на те же самые грабли. Это вот основа и квинтэссенция того, что хотелось бы напомнить. Вы со мной согласны? Мои суждения того времени сформировались несколько раньше, почему я и попал в число народных депутатов СССР. И связано это было с тем, что на заводе у себя мне в конце концов народ сказал: «Ты вот хорошо рассказываешь а поди-ка попробуй что-нибудь сделать!». В заключении хочу сказать, что в будущем все-таки у нас еще перспективы какие-то есть, хотя не очень простые. Пожалуй, хватит.

Рябов А.В.: Уважаемые коллеги я хотел бы поблагодарить от имени Фонда всех, принявших участие выступивших в дискуссии, задававших вопросов и просто участвовавших в слушавших. Трудно, конечно, сделать заключительное резюме, что слишком разные были высказаны оценки. Но хочу подчеркнуть: по большому счету мы находимся лишь в начале пути по осмыслению исторического значения этого события и тех событий, которые были с ним тесно связаны, и наверняка потребуется много времени и много исследований, дискуссий для того, чтобы существенно продвинуться вперед в понимании этих вопросов. Но все же, по итогам сегодняшней дискуссии, что мне показалось очень интересным. Во-первых, существуют разные точки зрения о том, сохраняла ли КПСС к моменту своего последнего съезда возможности быть таким, как сейчас принято говорить, драйвером политических изменений? С одной точки зрения, которая основана на серьезных фактах, не сохраняла, момент для этого был уже упущен. А вот люди, работавшие внутри, видевшие процесс обновления партии, который, в общем-то, шел, но был очень противоречивым, потому что проблема была даже не столько в наличии консерваторов, но и в неумении реагировать на новые вызовы, и по мнению этих участников дискуссии, возможности реформирования КПСС сохранялись, потенциал для этого сохранялся. Есть еще третья точка зрения, которую Александр Сергеевич сформулировал, что это было время возможностей, перепутья, время разнонаправленных тенденций, и выбор тогда сохранялся.

Видимо, это разнообразие мнений отражает наш уровень сегодняшнего понимания, знаний о той эпохе. исследований. Во-вторых, как мне показалось, гораздо больше единства взглядов было относительно создания института Президента СССР, которое существенно изменило конфигурацию власти. Конечно, прошло очень мало времени для того, чтобы этот институт стал постепенно доминирующим, преобладающим, отодвигая партию, мягко, да, без каких-либо конфликтов, на второй план. По крайней мере, этот процесс был запущен, он не завершился, не закончился, но он был запущен. И, видимо, Михаил Сергеевич, конечно, в этот период все-таки больше двигался туда, в сторону института Президента, видя в нем, наверное, коренной институт для дальнейших политических преобразований, хотя партия должна, продолжала оставаться таким интеллектуальным политическим штабом, который должен был разрабатывать идеи для Перестройки. И, как мне показалось, еще одна очень интересная идея была высказана, которая, видимо, требует осмысления. А заключалась она в том, что борьба течений и политических программ в какой-то момент была оттеснена на второй план борьбой личностей. да.

И эта борьба личностей в значительной степени нанесла колоссальный удар, точнее не борьба сама по себе, а то, какое Борис Николаевич принял решение по поводу запрета КПСС и продавил это решение, да, оно было мощнейшим ударом по перспективам левого движения. И не только в Российской Федерации, но и в союзных республиках. Да, эта идея не получила широкой поддержки в нашей дискуссии, но она была высказана и, мне кажется,

она довольно интересна с точки зрения дальнейшего осмысления партийной проблематики. Безусловно, я только выделил некоторые идеи. Ну и самое последнее, наверное, такое личное замечание. Я думаю, что практически все были едины в том, что в целом стране не хватило времени. Она опять столкнулась со своей такой, я бы сказал вечной проблемой российской истории, дефицитом исторического времени. Августовский путч перечеркнул в значительной степени перспективу нормального развития, дальнейшей мирной эволюции, страны, борьбы разных политических сил, течений. И сдвинул ось развития страны существенно в одну сторону со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это не тема сегодняшнего нашего разговора. Всем еще раз большое спасибо!